

ПИРАНИЯ

СЛЕД ПИРАНИИ

А БУШКОВ

Александр Александрович Бушков

След пираньи

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Пиранья», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118623*

*След пираньи: ОЛМА-ПРЕСС; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03181-3*

Аннотация

Капитану первого ранга Кириллу Мазуру вновь приходится убивать первым, чтобы выжить. Выручать врагов, чтобы спасти себя.

В продолжении нашумевшей «Охоты на Пиранью» яркие и кровавые события в сибирской тайге с головокружительной быстротой сменяют друг друга.

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвертая	41
Глава пятая	50
Глава шестая	60
Глава седьмая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Бушков

След пираньи

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «След Пираньи» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. Бушков, 1996

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2013

* * *

От автора

Действующие лица романа вымышлены — в отличие от многих таежных реалий, которые порой списаны с натуры...

Александр Бушков

Глава первая

Страсть задавать вопросы

Погода была ясная, а настроение – сквернейшее.

Мазур сидел, как прилежный школьник в классе, – глядя вперед, на дорогу, не поворачивая голову и на миллиметр. Хорошо еще теща с тестем – теперь вообще-то бывшие теща с тестем – тоже сидели смирнехонько, так и не проронив ни слова от самого Шантарска. Езды до аэропорта оставалось минут двадцать, и Мазур, чувствуя себя скотиной, все же облегченно вздыхал, вспоминая, что вскоре оба уйдут из его жизни, надо полагать, навсегда. Прекрасно понимал, что следовало бы ощущать себя виноватым, но отчего-то никак не получалось. Он знал, что выложился до предела, спасая Ольгу, сделал все, что мог и, в конце концов, не был Господом Богом – но как раз этого-то и не мог объяснить откровенно.

Они так и уезжали, накормленные официальной версией, – в поезде, по дороге из гостей, на Ольгу вдруг напал то ли хулиган, то ли маньяк с пистолетом. По нынешним временам вещь самая обыкновенная – кое-где уже и грабят пассажирские поезда, совершенно помахновски. Родители ни на миг и не усомнились в преподнесенной им лжи, доктор Лымарь ручался...

Вот только от этого ничуть не легче. А то и труднее. Как ни тверди о разгуле преступности. Потому что крутой мужик, офицер, остался без единой царапины, а молодая женщина погибла. Ситуация, еще с древнейших времен считавшаяся для мужика весьма неприглядной. Так что сиди в дерьме и не чирикай...

Мазур чирикать и не пытался. Торчал себе в сторонке, повесив повинную голову. Лымарю спасибо – старался изо всех сил, увещевая, утешая и даже легонько гипнотизируя, он это умел, он многое умел... И подсунуть таблетку в надлежащий момент, и вполне профессионально, не причинив ни малейшей боли, удержать тестя, когда того бросило в истерику и он неумело попытался заехать Мазуру по голове.

Мазуру еще раньше, в Питере, было с ними нелегко. Главным образом из-за разницы в возрасте его и Ольги. Папа был Мазуру практически ровесником и вдобавок – совершенно совдеповским доцентом, корпевшим в каком-то НИИ, где ему платили в месяц примерно столько, сколько стоила зипповская зажигалка Мазура. Исторические примеры папа принимал плохо, и Мазур нутром чуял, что в глазах тестя с самых первых дней предстал таким извращенцем, совратителем малолетних.

Проблемы с тещей, если уж откровенно, лежали в другой плоскости. Поскольку она была двумя годами моложе Мазура и смотрелась великолепно – чуточку более зрелое издание Ольги, ничуть не потерявшее прелести, – Мазур в свое время пару раз явственно ощущал, как где-то на рубежах подсознания определенно ворохнулись фривольные мыслишки, продиктованные извечным мужским цинизмом. Да вдобавок Ольга как-то под великим секретом поделилась компроматом: мамочка, безусловно будучи главой семьи и добытчицей (трудилась переводчицей в процветающей фирме), порою искала на стороне маленьких радостей, каковые без особого труда и находила. Однажды Ольга даже полушутя-полусерьезно пригрозила выцарапать супругу бесстыжие глазыньки, заявив, будто перехватила мамочкин оценивающий взгляд. Мазур тогда свел все на шутку, напомнив, что, согласно традиции, теща с зятем должны пребывать в состоянии перманентной лютой вражды, но в глубине души признавал, что был единожды такой взгляд, очень уж недвусмысленно мазнули по нему очи Ирины свет Викентьевны. И самую малость встревожился, не передалась ли она ветреность по наследству. Правда, откровенная по-современному Ольга ему заявила, что дело тут не в ветренности, а в некоторой девальвации к сорока годам иных папочкиных

достоинств. В общем, с тестем не заладилось моментально – а с тещей, наоборот, могло бы и сладиться вовсе уж шокирующим образом, живи они все под одной крышей достаточно долго. Такой вот фрейдизм. Слава богу, под одной крышей Мазур прожил с Ольгиными родителями всего неделю.

Но все эти психологические экзерсисы относились ко времени прошедшему. Сейчас и вспоминать то ли смешно, то ли больно. Сейчас было *другое* – тесть три раза срывался в истерику, теща крепилась, Мазур прямо-таки телепатически чувствовал, что она, подобно ему самому, всего лишь загнала горе внутрь, поглубже. Отчего горе ничуть не стало слабее. И мрачноватые молчаливые поминки – вдовец, родители, а также немногословные подводные убийцы, числом восемь, для непосвященного представляющие самыми нормальными людьми, затурканным пехотным офицером, согласно легенде. Благо родители до сих пор пребывали в заблуждении, будто Мазур – флотский инженер, всю сознательную жизнь испытывавший новые модели аквалангов, намеченные к постановке на вооружение. Отсюда, мол, и некоторая доза секретности, постоянно его сопровождавшая. А регалии он при них и не надевал никогда...

Мазур не выдержал, украдкой глянул в зеркальце заднего вида – но они все так же сидели, явственно отвернувшись друг от друга, с застывшими лицами. Мысленно вздохнув, он сунул в рот сигарету – и перехватил настойчивый взгляд Михася.

И еще один, еще более многозначительный. Неспроста, конечно. Подумав немного, Мазур негромко сказал:

- Трасянка, пожалуй...
- Сойдет?
- Ручаюсь.

Старый сослуживец, чьи предки некогда жили почти в тех же местах, что и Мазуровы, после секундного колебания заговорил на трасянке – причудливой смеси белорусского, польского и русского, имеющей хождение в Беларуси:

- Таке враженне, што мамы огон¹.
- Давно? – спросил Мазур.
- С квадранс².

Он плавно вписался в крутой поворот, а Мазур тем временем глянул в боковое зеркальце. И точно, на некотором отдалении маячил светлый «жигуль». «Волга» у них была самая обыкновенная, вообще-то «жигуль» давно мог их обогнать – ограничения скорости тут нет, гаишники в этих местах практически не водятся...

- Навензац лончношч³?
- Чакай, – сказал Мазур, покосившись на трубку радиотелефона. – Мож, то яки грат...⁴

Подметил краем глаза, что тесть с тещей самую чуточку встрепенулись, заслышав эту абракадабру, но особого интереса не проявили. Ну и ладушки. И не поняли ни черта – теща знает испанский и французский, а тесть, как и положено совковому доценту, иностранными языками не обременен...

Мазур неотрывно следил за идущей следом машиной – нет, на таратайку вроде не похожа, выглядит новенькой. Но нет пока что оснований для боевой тревоги: место бойкое, машин полно... В это время дня прут в аэропорт чуть ли не потоком – пока ехали, обогнали уже с десяток.

¹ Такое впечатление, что появился хвост.

² С четверть часа.

³ Связаться?

⁴ Подожди. Может, какая-нибудь развалюха...

– Ну вот, – сказал Мазур равнодушно.

«Жигуль» наконец-то пошел на обгон, наддав на очередном повороте. Места были глухие, слева – лес, справа – равнина и сопки, так что Мазур бдительно проводил взглядом обогнавшую их машину: двое, молодые, в их сторону и головы не повернули – что, впрочем, еще не повод для благодушия...

Ага! Светлый «жигуль» вдруг стал тормозить – и тут же за его задним сиденьем отчаянно замелькали пронзительно-синие вспышки. И такие же вспышки, словно отражения в невидимом огромном зеркале, запульсировали сзади и сбоку.

Три машины, сверкая милицейскими мигалками, откровенно взяли их в «коробочку». Впереди – «жигуль», слева – второй, синий, сзади нарисовался белый «рафик». Тот, что сидел в синих «жигулях» рядом с шофером, здоровенный лоб в серо-белом милицейском камуфляже, приспустил стекло и высунул руку с полосатым жезлом, небрежно помахал, словно забивал гвоздь. И убрал руку, покосился со спокойной властью, должно быть, полагая, что сделал достаточно и теперь вправе ждать немедленных результатов.

Михась вопросительно глянул.

– Притормози, – сказал Мазур. – Только ушки держи...

Кивнув, Михась стал тормозить, уходя к обочине. Все три машины, будто соединенные невидимыми ниточками, повторили маневр, по-прежнему светя синими вспышками. И в рафике обмундированный мент – желтеет цевье автомата, а из-за его спины, напряженно застыв, таратаются трое в штатском.

Неуловимым движением Михась передвинул наплечную кобуру, выжал сцепление и остановился. «Коробочка» была заперта, три машины, встав почти впритык, блокировали «Волгу» с трех сторон – правда, возникни такая нужда, Михась ушел бы по целине, что по асфальту. Мотора он не выключил, конечно, и ноги держал на педалях, а правую руку с рычага так и не снял.

Мимо равнодушно пролетали машины, встречные и попутные, кое-кто любопытно косил глазом, но останавливаться, понятно, не собирался – синие мигалки, все три, по-прежнему работали с идиотским усердием часового механизма.

Тот, с жезлом, наконец вылез, из рафика выскочил рыжий автоматчик и, расставив ноги, замер у капота, подстраховывая своего капитана, – Мазур разглядел звездочки на погонах. Пока что в капитане ничего подозрительного не усматривалось: личность, правда, насквозь мрачная и неприветливая, но они нынче все такие, словно в понедельник их мама родила...

Молчание, пожалуй что, и затягивалось. Вероятнее всего, капитан ждал, что водила вылезет из машины и встанет на полусогнутых. Если так, ждал напрасно.

Видимо, ему и самому это пришло в голову – сделал шаг вперед и легонько постучал концом жезла по боковому стеклу, каковое Михась неспешно и опустил после кивка Мазура.

– Документы попрошу, – изрек капитан невероятную банальность. – На машину и ваши.

Михась столь же неспешно достал все из бардачка и протянул в окно. Документы были неплохие – та самая липа, за которой стоит государство, способная выдержать не только беглый дорожный осмотр невооруженным глазом. Согласно ксивам, которые проскочили бы любую компьютерную проверку, словно мокрый кусок мыла по водосточной трубе, машина принадлежала некоему сыскному агентству, где Михась с Мазуром (поименованные чужими фамилиями) и имели честь трудиться. Отсюда и пистолеты, совершенно законные.

У прочих, сидевших в машине, капитан документов требовать не стал. Зато Михасевы изучал с величайшим тщанием – Мазур держал его краешком глаза, сосредоточив все внимание на автоматчике, с непроницаемо-равнодушным видом нажевывавшем резинку. Остальные сидели в машинах, не проявляя ни малейшего желания вылезти. Не поднимая взгляда от документов, капитан бросил:

– Мимо Зубатовки проезжали?

– Естественно, – пожал плечами Михась. – Я ж из Шантарска еду, другой дороги вроде бы и нету...

Капитан прямо-таки просиял, захлопнул водительские права и махнул ими в сторону:

– Багажник откройте, пожалуйста.

– Нет, что такое? – без малейшего наигрыша поморщился Михась. – В аэропорт опаздываем...

– Мимо Зубатовки проезжали?

– Ну.

– «Волга» с двумя пятерками в номере?

– Ну.

– Багажник откройте, пожалуйста.

– Вообще-то для осмотра багажника ордер полагается... – задумчиво сообщил Михась.

– Это точно, – ничуть не сердясь, кивнул капитан. – Потому я вам его открыть и не приказываю, а вежливо прошу. Ваше дело – отказаться. Только тогда придется проехать в управление, где мы вас в полном соответствии с законом три часа продержать можем... А самолет-то, поди, раньше улетает? В общем, думай, мужик, сам себе проблемы создаешь...

– Открой, – негромко произнес Мазур.

И, пока Михась вылезал из машины, чуть развернулся на сиденье, так что кончики пальцев оказались под полкой куртки, в непосредственной близости от пистолета. Благо автоматчик затопал следом за Михасем к багажнику, у «Волги» остался один капитан, у которого кобура где-то под бушлатом, снаружи ее не видно, если кто-то из сидящих в машинах и начнет баловаться с оружием, всегда можно опередить, не особенно и подставляя под неприятности тестя с тещей...

Капитан положил жезл на кромку полуопущенного стекла, словно прицелясь им в Мазура:

– А у вас документики имеются?

– А как же, – сказал Мазур.

– Взглянуть можно?

В следующую секунду льдисто-туманная струя ударила Мазура в лицо, гася сознание дурманящей волной.

...Едва он смог совершенно точно определить, что из беспамятства вернулся в реальность, принялся, не шевелясь, анализировать ощущения. Ощущения были довольно безрадостные: вокруг царит душный мрак (но это исключительно из-за надежно нахлобученного на голову глухого капюшона), руки схвачены за спиной «браслетами», с обеих сторон, плотно сжав боками, устроились неизвестные живые объекты, явно относящиеся к гомо сапиенс. А судя по окружающим звукам, они еще в машине и куда-то едут.

Стараясь ворочаться неуклюже – пусть думают, что он медленно очухивается, – Мазур провел по левому боку рукой и тут же убедился, что кобура под мышкой пустая. Что ж, следовало ожидать...

Движение не прошло незамеченным – его сжали боками еще теснее и для надежности мертвой хваткой стиснули оба запястья. В целях дальнейшей проверки Мазур попытался было спросить во весь голос:

– В чем...

Ровно столько и удалось произнести – в шею под челюстью тут же уперлось нечто твердое, но на дуло пистолета вроде бы не похожее, и довольно спокойный голос сообщил:

– Будешь орать, вырублю шокером. Сидеть тихо.

Мазур послушно заткнулся, поскольку это на данный момент было единственно верной линией поведения. В такой позиции и супермену выгоднее на время поджечь хвост, благо убивать пока что не собираются – сто раз могли угрожать еще на шоссе, будь такой замысел... Означает ли то, что им не по нраву возможные вопли, что он имеет дело отнюдь не с какой бы то ни было государственной конторой?

В общем, не факт. Самые разные у них могут быть побуждения, любовь к тишине еще не означает автоматически, что он угодил в гости к частным лицам... А если это не частники, визжать от восторга рано: найдутся вполне добропорядочные органы, которые смогут задать ему массу неприятных вопросов, на иные из которых утвердительно отвечать нельзя, иначе махом узришь небо в клеточку, и пока еще раскочерится родной особый отдел... У неведомых похитителей есть пара часов в запасе: искать Мазура начнут не раньше, чем улетит по расписанию питерский самолет, даже если свяжутся с машиной по радиации и не получают ответа, ничуть не встревожатся – решат, что «Волга» торчит на стоянке, и все четверо ушли в зал ожидания...

Насколько можно понять по шумам уличного движения, они вернулись в Шантарск – значит, в беспамятстве пребывал не более получаса. Слышно, как водитель переключает передачи, – и что-то далековато он сидит от Мазура. Значит – рафик...

Раза четыре Мазура по инерции отклоняло то вправо, то влево – это машина поворачивала. Остановилась. Простояла совсем недолго. Вновь тронулась. Судя по звукам, въехала куда-то под крышу – ангар или гараж – и тут же затормозила.

А там и умолк мотор, распахнулась дверца. На затылок Мазуру опустилась ладонь, сгибая его в три погибели, – и тут же толкнули вперед. Он не сопротивлялся, ухитрился не споткнуться, когда подошвы встретили твердую поверхность, скорее всего асфальт. Шаги звучали гулко – если гараж, то небольшой... Не теряя времени, его в темпе подхватили под локти и потащили куда-то. Временами кто-нибудь из конвоиров снисходил до предупреждения:

– Ступеньки вверх. Ступеньки вниз. Голову ниже.

Что интересно, сзади звучали те же реплики – значит, с Мазуром той же дорогой шагали как минимум один из спутников. Разборка перед тем, как мочить, или допрос? Допрос, пожалуй что, даже похуже – тестюшка характером слаб, а Ирину, как всякую женщину, в особенности не замешанную в бурные будни теневой стороны жизни, ломать проще, чем мужика...

Пришли, кажется. Явственно захлопнулась дверь. Сзади под коленки Мазуру уперлось что-то твердое, горизонтальное, и тут же рывкнули:

– Сесть!

Он осторожно присел. Сразу же с головы рванули капюшон – вовсе уж неделикатно, захватив пятерней волосы и выдрав при этом энное количество. Мазур зажмурился от яркого света, а потерю волос перенес стоически. Понемногу разлепил веки.

Ничего зловещего вокруг не усматривалось. Довольно большая комната без окон, примерно десять на десять, стены облицованы пластиковыми листами, пол выложен мраморной крошкой, чисто, вот только мебелировка скудная: стул, на который толкнули Мазура, стол у противоположной стены. За столом восседала женщина лет тридцати, с короткими, чуть растрепанными светлыми волосами, перелистывала документы, в которых Мазур тут же опознал свои собственные. Довольно симпатичная, спортивного типа, в сиренево-белой спортивной курточке – а вот юбка на ней или брюки, Мазур рассмотреть не смог, стол был глухой, из коричневой древесной плиты. Паршивенький такой стол, скорее уж подходивший для скудно финансируемых присутственных мест. И характерная деталь – это, скорее всего, подвал. Ступеньки вели сначала вверх, потом вниз – и вообще ощущение такое, то ли инстинкт работает, то ли чутье...

Он решился осмотреться по сторонам. Сошло, по шее не въехали. Один из конвоиров топчется за спиной, двое стоят подальше, рядом с Михасем, прикованным к батарее за правое запястье. Знай они Михася получше, поняли бы: это все равно, что залепить ягуару морду одной-единственной полосочкой лейкопластыря... Капитан-лейтенант оказался на высоте: он скрючился на корточках, старательно закатывая белки и всем своим жалким видом давая понять, что все еще травмирован – то ли струей газа, то ли ударом, неизвестно, как там его вырубали. Скорее газ – не тот это был тип, чтобы дать себя вырубить неожиданным ударом... Надо же так попасться: примитивная дубинка с газовым баллончиком внутри, крашенная под отечественный милицейский жезл, то-то она подсознательно показалась какой-то не такой. Если подумать чуток, можно вспомнить марку – но на кой хрен это сейчас?

Белокурая за столом отложила документы и пытливо воззрилась на Мазура. Он сделал нейтральную рожу. Особенного страха не было, равно как и чувства безысходности: после всего пережитого на службе рассыпавшейся империи ситуация была не из самых опасных. На троечку, пожалуй, если уместна сейчас пятибалльная шкала. Крепенькая девка. Определенно тренированная. Вроде тех лялек из обожаемой Михасем питерской школы прапорщиков, что одинаково хороши и на полосе препятствий и в постели. Ну, здесь-то она ходит явно не в прапорщиках, а повыше, – сидит за столом, как белый человек, а мордороты (среди коих и хренов милицейский капитан) переминаются себе с ножки на ножку, определенно ждут инструкций...

– Господин Волков Николай Семенович? – спросила белокурая.

– Их бин и аз есмь, – сказал он не то чтобы с вызовом, но, в общем, независимо. – В чем дело?

– А вы что, не удивляетесь? – скользнула по ее лицу мимолетная сучья ухмылка.

«Ну уж сразу и сучья, – урезонил себя Мазур. – Работа у человека такая». И пожал плечами:

– Удивлен. Страшно удивлен. Жду объяснений. – Скосил глаза в сторону капитана. – Откуда такой произвол в отношении к мирному обывателю, а, мусор?

Тот на обидное словцо не отреагировал, остальные жлобы тоже стояли спокойно. «Ах, так?» – подумал Мазур и решил слегка накалить атмосферу:

– Нет, в чем дело, ты, мочалка? Жопу не вздрючивали? Если наезжаешь, давай покультурному: где претензия и за что? А погоняла у тебя кто? Не этот же штaketник? – он кивнул на капитана. – Ну, кому я мозоль оттоптал? От кого выставляешься? У меня такие как ты хрен в рот забирают по самый корень и сосут с проглотом...

Замолчал, ожидая реакции. Реакции не последовало – не дали по загривку, не одернули. Жлобы, правда, потемнели лицом, как любой бы на их месте, белокурая тоже подбралась, зло поджала губы – тут любой обидится, дамы и господа, – но никто не дергался, молчали все. Это, может, и хуже. Профессионалы. Точно, профи – зря не дергаются, не мельтешат...

– Ну, – сказала блондинка.

– Что – ну? – Мазур самую чуточку опешил. Самую чуточку.

– Продолжайте. У вас это так эмоционально и красочно все получается... Усладительно для уха, я б сказала, – сверкнула она умело подведенными глазами. – За щеку я у таких козлов не беру, а вот тебе могу яйца прищемить и посмотреть, как будешь дергаться... – Сунула руку в ящик стола и продемонстрировала Мазуру новенькие пассатижи с залитыми пластиком ручками. – Ясно?

– А не боишься, что тебе потом клитор вырвут без наркоза? – продолжил он тем же хамским тоном прибалтленного частного сыскаря. – Не хочешь, чтоб тебе хамили, объясни, с какой стати наехали... И сигарету дай.

Она выразительно дернула бровями. Капитан подошел, сунул Мазуру в рот сигарету, щелкнул зажигалкой. Убедившись, что пленник прикурил, убрал зажигалку и развернул перед глазами красное удостоверение. Капитан Как-там-его-на хрен... УВД г. Шантарска, уголовный розыск... смотрится ксива...

– Вы эти сказки младшему школьному возрасту впаливайте, – сказал Мазур, зажав губами сигарету в углу рта. – Покажите ордерок по всей форме, чтобы там прокурор коряво расписался. Тогда я буду на «вы» и со всем почтением.

– Удостоверения тебе мало?

– Мало, – сказал Мазур, улыбнувшись капитану. – Мало, хороший мой. Ты мне еще докажи, что я в милиции.

Краем глаза он видел дверь за спиной – толстая на вид, старательно обитая, прилегает плотно. Пожалуй, наружу ни звука не донесется...

– А ты про указ президента слышал? – спросил капитан. – Насчет тридцати суток без всякого прокурора?

– Так и это ж не доказательство. Про указ все слышали...

– Пистолет откуда? – спросил капитан, нависая над ним и в такт словам похлопывая по плечу дубинкой.

– Там все написано, – Мазур кивнул на стол. – Все законно, в рамках и на основании...

– Волков?

– Ау?

– А это что? – она извлекла из ящика паспорт и развернула на страничке с фотографией. – Тут вы уже никакой не Волков, вовсе даже Минаев Кирилл Степанович и прописочка питерская...

Плюха, пожалуй. Если пораскинуть мозгами, ничего и не проясняющая. Как известно по собственному печальному опыту, у Прохора Петровича на службе и майоры имелись...

Мазур пожал плечами:

– Нет, надо же... А вы уверены, что там на снимочке – я?

– По-моему, никаких сомнений, – сказала белокурая.

– Вот если бы в наших документах, как в штатовских, отпечатки пальцев имелись... – сказал Мазур. – Тогда бы я извертелся, как карась на сковородке, объясняя, как это меня угораздило свой пальчик аккуратно под фотографией этого вашего Минаева оставить... Но ведь нету отпечатков, тут родная милиция определенно недосмотрела. Я эту краснокожую паспортину впервые вижу. Вы его что, у меня изъяли? Мало ли кто надо мной шутит... – Он кивнул в сторону Михася, все еще сидевшего с обалделым видом: – Вы бы лучше, красивая, насчет доктора расстарались...

– А что такое? – вполне серьезно спросила она.

– А у него ампула вшита, – сообщил Мазур. – За неводержанность в прошлой жизни. Мне-то ничего – а его, видите, как перекосило? Ребята, у всех этих газов механизм действия схож с алкогольным, у него вскорости ломка начнется, точно вам говорю...

Он говорил громко. Михась не мог не ухватить ключик к дальнейшему обороту событий. Все присутствующие, кроме Мазура, невольно покосились на него – но отвлеклись лишь на миг, и Мазур решил подождать с броском. Не горит пока.

С полминуты белокурая размышляла, потом бросила:

– Начнет ломать, тогда и посмотрим... Так как же все-таки с вашей натуральной фамилией обстоит? Который паспорт настоящий?

– Волков я, – сказал Мазур истово. – А эту вашу ксиву впервые вижу.

И подумал, что все же следует поторопиться, наплевав на дальнейшие словесные поединки. Все бы ничего, но в этот миг где-нибудь за стеной могут допрашивать тестя с тещей, а уж они-то, ничего серьезного не зная, тем не менее в два счета выложат его настоя-

щую фамилию-звание-дислокацию... А стол-то к полу не прикреплен и до стеночки от него близко... И пушки они в руках не держат...

– Волков я, – повторил он. – Вы там насчет врача расстарайтесь, я его сто лет знаю, вон, уже началось...

У Михася, действительно, изо рта поползли слюни, он взвыл-простонал так, что пронять могло любого. Тот, что стоял к нему ближе всех, без команды нагнулся, всматриваясь.

– Бей! – выдохнул Мазур, давненько уже сидевший напряженным, как сжатая пружина.

В следующий миг пружина разжалась. Взмыв с отлетевшего стула, Мазур правой ногой подшиб капитана, успел добавить коленом под горло, пока тот падал (там, где пребывал Михась, послышался вопль), метнулся вперед и что есть силы въехал всей подошвой по столу. Удержать равновесие, даже со скованными за спиной руками, на шероховатом полу было нетрудно. Не глядя на влипшую в стену затылком белокурую, ушел влево (на тот случай, если тип за спиной успел достать пистолет), молниеносно развернулся парой отточенных пируэтов.

Тот, что за спиной, оторопело пытался выдернуть руку из кармана куртки – как частенько бывает, пистолет зацепился то ли рукоятью, то ли курком. Мазур не дал ему времени извлечь оружие, равно как и поставить блок левой рукой. Не колеблясь, вмазал носком туфли в то место, где пролегает сонная артерия. Иногда от такого удара умирают на месте. Иногда – нет. Кому как повезет, ваши проблемы, господа...

Кинулся вперед, двумя ударами надежно отключил пытавшегося встать капитана. Упал на задницу, извернувшись, поджав ноги, пропустил их меж скованных рук, миг – и руки были теперь скованы впереди, а это все ж малость полегче...

Михась, уже без наручников, сиротливо болтавшихся на трубе, добил коленом своего кадра. Вопросительно глянул. После двух жестов Мазура выхватил у одного из бесчувственных пистолет из кармана, на цыпочках кинулся к двери и застыл возле нее. Сам Мазур торопливо охлопал карманы капитанского бушлата, из левого извлек свой собственный «Макар», передернул затвор. Какое-то время оба напряженно прислушивались.

Никто не ворвался – пожалуй, солидная дверь и в самом деле заглушила все звуки... Теперь только Мазур не спеша высвободил из наручников запястья. Жить вновь стало легко и почти что весело. Он сделал два шага, отодвинул стол и поднял за воротник белобрысую. Покачал вправо-влево ее голову – нет, шея не перебита, кровь не сочится ни из носа, ни изо рта – ощупал пальцами основание черепа. Точно, нигде ничего не сломано, будет жить, хотя затылком в стену вмазалась качественно...

В темпе выдвинул ящик стола, перевернул. Улов хилый – на стол упала пачка сигарет, авторучка, пара чистых листов бумаги, женские часы на браслетке. Молниеносно обыскал всех четверых, бесцеремонно выворачивая карманы. Кроме капитанского удостоверения и водительских прав, обнаружившихся у одного из жлобов, – никаких документов. Вещи неинтересные – обычные мелочи, вроде зажигалок и перочинных ножичков. Зато пушки у всех – два ПСМ, два «Макара». Пошли бы милиционеры на операцию без служебных корочек? Черт их знает, однако что-то сомнительно – операцию крутили серьезную...

Белокурая стала проявлять признаки жизни. Заглянув ей в глаза, Мазур обнаружил, что взгляд становится все более осмысленным, – и тут же вновь отправил в беспамятство, на сей раз, можно бы выразиться, деликатно.

Решение следовало принимать немедленно. Конечно, то, что за столом сидела именно она, ничего еще не доказывало. Трюк, старый как мир: на почетном месте, в красном углу сидит пешка, а подлинный босс скромно хоронится среди прочих пешек. И все же... Даму, в конце концов, тащить легче, это не главное соображение, но и оно свою роль играет.

Они вновь обменялись быстрыми профессиональными жестами, и Михась, попробовав предварительно ручку на прочность, рывком распахнул дверь, а Мазур в нее бомбой и

вылетел. За дверью открылся неширокий и короткий коридорчик без окон – дверь напротив, дверь справа. Со стула заполошно вскочил детина в штатском, и Мазур, достав его одним прыжком, угостил столь же качественно, как лежавших без чувств сообщников. Поднял, головой вперед забросил в дверь, она была пониже коридора, вниз вели целых пять ступенек, и лететь бы вырубленному лобешником на пол, но Михась великодушно его подхватил, устроив на полу.

Дверь напротив... Мазур подкрался к ней, рывком распахнул так, чтобы образовалась узкая щель, выглянул – вряд ли у них тут за каждой дверью часовой, это уже не подвал...

Точно, нет часового. Картина самая мирная – крохотный магазинчик, покупателей что-то не видно, спиной к Мазуру стоит блондиночка. Овернулась. Оказалось, совсем соплячка. Рядом с ней еще одна дверь.

– Серега не выходил? – как ни в чем не бывало спросил Мазур.

Там, куда ходит много народу, обязательно отыщется какой-нибудь Серега – как и Миша с Колей...

Девчонка растерянно пожала плечами:

– Да не было вроде...

– Ну, ладно, – кивнул Мазур.

Закрывая дверь, отметил, что открыть ее можно только с его стороны. Стандартно, но неглупо – магазинчик настоящий, за второй дверью, должно быть, складик, а в подвале обитают «доверенные ребята владельца», в дела которых наученные сложностями нынешней жизни девочки-продавщицы предпочитают не соваться – то-то у ляльки глазенки были чуть испуганные... Плюс звуконепроницаемая дверь – хоть варфоломеевскую ночь в подвале устраивай. Когда его вели, он запомнил два поворота...

Ага. За второй дверью – нечто вроде небольшого крытого гаража. Рафик – глаза бы на него не смотрели – «Волга» Михася и «газель» с тентом. Вот эта дверь, несомненно, ведет на склад, а вторая, железная и высокая, может быть только воротами. «Элементарно, Ватсон», – буркнул под нос Мазур, чуть приоткрыв створку и узрев снаружи солнечную улицу.

Бегом вернулся в подвал. Забрал со стола ключи от «Волги» и пассатижи. Ключи бросил Михасю, пассатижи хозяйственно прибрал в карман, приказал сквозь зубы:

– Уходим!

И, уже не колеблясь, подхватил белокурую, без всякой нежности прижав к себе, поволок в гараж. Она висела, как мешок, ноги волоклись по полу. Михась прикрывал по всем правилам. На счастье, в гараже так никто и не появился, пока Мазур, вновь без тени галантности, забрасывал белокурую на заднее сиденье, а Михась распахивал ворота. Когда «Волга» вылетела на улицу, Мазур ощутил ни с чем не сравнимое, пьяняще-дикое чувство *свободы*.

Без команды Михась погнал прочь – но не зарываясь, соблюдая все правила.

– Где это мы? – поинтересовался Мазур.

– А черт его знает, Кирилл, мне-то откуда знать? Ты же тутошний.

– Я тут бываю раз в сто лет... Ладно, гони куда попало, лишь бы подальше.

– Базу вызвать?

– А чем нам поможет база... – скривился Мазур. – Ты гони, гони, где-нибудь да определимся... – Глянул на ближайшую табличку с названием улицы. – Ага, где это у нас Байкальская? Правый берег, это-то я помню... Держи на ост.

Еще через четыре квартала Мазур почувствовал себя увереннее, стал показывать дорогу, то и дело кидая косые взгляды на зашевелившуюся белокурую. Ага! Ремень у него был старого доброго фасона – с обычной пряжкой. Быстренько его сдернув, Мазур сделал мертвую петлю и захлестнул ею запястья пленницы. Она открыла глаза, попыталась дернуться. Мазур бесцеремонно надавил ладонью, опрокинув живой трофей на сиденье:

– Лежи тихо, подруга. А то больно сделаю, твоими же пассатижами... так, теперь направо, дуй к сопкам, там нас ни одна собака не потревожит...

Места пошли насквозь глухие. Справа высокая сопка, аккуратно стесанная с одного бока на приличную высоту, чтобы сделать место для дороги, уводившей в сосновый бор. Асфальт вскоре кончился, потянулась разбитая колея. Бор редел, по обеим обочинам все чаще попадался индустриальный мусор – ржавые кабины здоровенных грузовиков, ржавые бочки, груды вовсе уж непонятного металлического хлама, лысые покрышки. Впереди замаячили серые строения.

– Нервничаешь, сучка? – ласково спросил Мазур, пощекотав пленницу за бочок указательным пальцем. – И правильно делаешь...

В глазах у нее стоял откровенный страх, но все же изо всех сил пыталась взять себя в руки. Недобро пообещала:

– Вы ответите. Я сотрудник... – и прикусила язычок.

– Сотрудница, – поправил Мазур. – Русский язык знать надо. Или ты у нас из мужика переделанная и еще не привыкла?

– Сволочь...

Он без церемоний остановил ее оглушительной пощечиной, подумал и отвесил еще одну – чтобы разбить губу, чтобы кровушка на светлую куртку живописно закапала. Она и закапала, конечно.

– Так чего ты там сотрудница? – спросил Мазур.

Она промолчала, с ненавистью зыряка исподлобья.

– Э-э, ты это брось, – сказал Мазур, поворачивая ее голову правее. – Ты нам машину не пачкай, капай на себя... Где трудишься, говорю?

Молчание. Правда, он особенно и не настаивал – не видел особой нужды. Их магазинчик, служивший крышей, все равно засвечен, нетрудно будет взять в разработку соответствующим службам, даже если все они оттуда моментально смоются, ниточка останется для умелых рук подходящая, распутать смогут...

Переваливаясь на ухабах, машина подъехала к тем самым серым строениям, служившим идеальной декорацией для съемок очередного фильма о битве за Берлин: пустые оконные проемы, груды кирпича и комья серого бетона, полуобвалившиеся и ржавые металлические леса. Мазур, наконец, узнал место – не далее как вчера случайно узрел по телевизору, в одной из местных программ. Недостроенный керамзитовый завод – его сгоряча, поддаваясь общей лихорадке, прихватизировали, но тут же оказалось, что достраивать не на что, да и незачем, откровенно говоря. Так что российского Форда из нового хозяина не получилось, и он бросил недостроенные владения на произвол судьбы – продать все равно было некому, не находилось такого идиота.

Стояла покойная тишина, ничего живого вокруг не наблюдалось. Лунная поверхность. Мазур нетерпеливо вертел головой, то и дело поглядывая на съезжившуюся пленницу, которой явно становилось все неуютнее.

– Ну, так чья ты там сотрудница? – спросил он лениво.

– Вам головы оторвут...

– Притормози, – сказал Мазур, углядев кое-что, как нельзя лучше подходившее для декорации к допросу. – Вот что, красивая. Вдумчиво беседовать с тобой некогда, ты мне быстренько скажешь одно: где мои пассажиры? И милиционершу из себя не строй, худо будет...

Она молчала, вздернув подбородок, но глаза бегали, а грудь часто вздымалась, и предательские капли пота вереницей поползли по вискам. Успела взвесить свои шансы и понять, что нет ни одного.

– Ну? – спросил Мазур.

Молчание.

– Зоя Космодемьянская, значит, – сказал Мазур, нехорошо скалясь. – Гоп-стоп, Зоя, кому давала стоя... Ну вот что. У меня нет времени аккуратненько выдергивать тебе ноготки твоими же пассатижами или баловаться с прикуривателем. Результаты будут, но не скоро. Посему слушай. Во-первых, те, кого вы сцапали, мне, в общем-то, не друзья и даже не родственники, поскольку родня – бывшая... Во-вторых, у меня еще есть время вернуться в ваш магазинчик и вдумчиво поработать там. Они еще очухаться не успели, языки будут... А ты посмотри-ка вон туда... Бак видишь?

И показал на ржавую цистерну емкостью тонн в двадцать, громоздившуюся неподалеку. Ухмыльнулся. Она поняла, ее прямо-таки передернуло.

– Сообразила? – спросил Мазур. – Мучить тебя не будем – скинем в бак и укатим навсегда. Тебя тут в жизни искать не догадаются. Если не закроем люк, протянешь недельки две – при полнейшем отсутствии шансов на спасение, оттуда ж не вылезешь, а стука ни одна собака не услышит, кто в эти места заходит? Ну, а если крышку закроем, проживешь ровно столько, пока весь кислород не употребишь. Цистерна, конечно, ржавая, но не настолько, чтобы ты ее головой пробила... Да, а руки, само собой, я тебе развязывать не буду – ну зачем тебе там развязанные руки, какая разница? Вон лесенка, взобраться можно...

Распахнул дверцу, ухватил белокурую за ворот и головой вперед выдернул из машины, как редиску с грядки. Подхватил на лету и поволок к цистерне. С каждым шагом цистерна нависала над ними, повеяло удушливым запахом солярки.

– Тебе везет, – сказал Мазур. – На дне, похоже, жижа осталась, так что задохнешься и вовсе быстро...

Она отчаянно барахталась. Мазур усмирил ее одним легким тычком в нужное место, с помощью подоспевшего Михася поволок, обмякшую, наверх по узенькой железной лестнице. Лестничка скрипела, слегка шаталась, но не обрушилась. Они взобрались на крохотную железную площадку. Мазур с натугой отвалил крышку и побыстрее отпрянул – изнутри шибануло такой угарной волной, что желудок чуть не выскочил через горло. На дне и в самом деле должна оставаться солярка.

Пленницу повалили животом на горловину люка, так, чтобы голова свесилась внутрь. Она моментально пришла в себя, изо всех сил задергалась – впустую, конечно, потом ее шумно стошнило вниз и она захлебнулась воющим криком. С ухмылочкой Мазур определил, что кончились и игра, и упорство – все, хрустнула девочка, как сухое печенье...

Поднял ее, повалил на площадку, присел над ней на корточки:

– Ну, сука! Некогда тебя обхаживать по всем правилам! Где они? Или скину к херам!

Всмотрелся, рывком поднял на колени, а сам торопливо отодвинулся – ее снова стало тошнить. Процесс пошел. Дождавшись его конца, не давая опомниться, Мазур налег вновь:

– Ну, где они, блядь такая?

– Сво...

Мазур залепил ей пощечину:

– Сама ты сволочь! Ну?

– Да нет... – прошептала она, делая отчаянные гримасы. – Это про улицу... Свободная, сорок пять, квартира четырнадцать...

– Еще одна ваша хаза?

– А-га...

– Сколько там ваших козлов?

– Т-три... или четыре...

– Все, – Мазур рывком вздернул ее на ноги.

– Вали вниз. Сейчас быстренько поедem в гости, и смотри у меня, начнешь дергаться – словишь первую пулю, это я тебе гарантирую...

...Перед тем как покинуть развалины завода, пленницу немного привели в порядок – пожертвовав собственными носовыми платками и тряпками из багажника, кое-как обтерли физиономию и одежду от блевотины и ржавчины. Но все равно вид у нее был несколько предосудительный – разгульная особа, пару суток безвылазно пробухавшая в каком-нибудь сарае, где извозилась до полной потери товарного вида. Ручаться можно, именно так и подумали две бабки, торчавшие на лавочке у подъезда, когда Мазур, двигаясь вдоль стенок, вел свою пленницу к двери. Он якобы нежно и заботливо обхватил ее левой рукой, прижимая к себе, чтобы не выкинула какой-нибудь номер, а накинутая ей на плечи ее же собственная куртка никак не давала увидеть, что руки схвачены ремнем за спиной. Если особенно не приглядываться, ничего и не заметишь – небрежливый мужик подцепил где-то более-менее приглядную бичиху и волокет домой для немедленного употребления. Чтобы закрепить эту версию, Мазур громко сказал, работая на бабuleк:

– Ниче, Маня, шас опохмелишься, жизнь вернется...

И побыстрее затолкнул ее в подъезд. Следом скользнул Михась. Удалось еще услышать, как осуждающе заохала одна из бабuleк:

– От они, от они, нынешние! Девка-то как с помойки...

Дальше он не слышал – на цыпочках взбежал на второй этаж, постоял, наострив уши, возле двери четырнадцатой квартиры. Дверь была солидная, обитая коричневым дерматином, под которым угадывалась прокладка толщиной с хороший матрац, а может, она и вообще была железная, хорошо замаскированная, со внутренними петлями. Что-то фактура косяка скорее смахивает на металл...

Тишина, ни звука изнутри не доносится. А вот глазка нет, что только на руку... Насчет количества комнат – две – и планировки Мазур успел расспросить пленницу на обратном пути. Если только она не врала...

– Давай, – кивнул он, уперев дуло пистолета в ту самую ямку пониже макушки. – И смотри у меня...

Она, покорившись с ненавистью, подняла руку, нажала кнопку звонка – дзинь-дзинь, дзинь, дззззз... Михась мгновенно, едва отняла палец, завел ей руки за спину и вновь затянул ремень.

– Кто? – слышалось изнутри.

– Я, Ксана, – громко ответила она.

Томительно долго тянулось мгновение. Решающее. Наконец замок негромко щелкнул, дверь стала распахиваться – самым нормальным образом, без лишней спешки и без медлительности. Мгновенно отметив, что все вроде бы в порядке, Мазур оттолкнулся от стены и бросился в ширившийся проем. Попотчевал рукояткой пистолета чью-то рожу, так и не успевшую стать ни испуганной, ни удивленной, добавил коленом, ребром ладони свободной руки – уже на ходу, отработанным броском врываясь в комнату. Заорал:

– Руки! Всем стоять!

В прихожей стукнула захлопнувшаяся дверь – Михась ворвался следом, ушел вправо по стеночке, держа пистолет обеими руками, встал так, чтобы держать в поле зрения и дверь в кухню, и дверь в другую комнату.

Сцена, словно позаимствованная из боевика, но тем не менее вполне жизненная, в последние годы мало кого уже удивляющая на съезжившихся просторах Отечества: Ирина свет Викентьевна, теща ненаглядная, сидит на стуле, руки связаны, белая блузка распахнута, так что обнаженная грудь («надо сказать, все еще великолепная» – отметил где-то на периферии мозга Мазура недремлющий мужской инстинкт) открыта нескромным взорам – вот только эротической подоплеки нет ни на капельку, поскольку один из двух стоящих за стулом верзил демонстративно держит зажигалку у самого ее соска, сделав соответствующую

морду лица. А третий, нависая над съезжившимся в кресле тестем (и у того руки, конечно, связаны, а интеллигентная физиономия, сведенная испугом, украшена свежим синяком), подсунул ему диктофончик под самый нос. Словом, классический допрос с угрозами, судя по всему, очень быстро увенчавшийся успехом – сейчас-то все, понятное дело, замолкли, ошеломленные вторжением, но еще пару секунд назад тесть, никаких сомнений, заливался соловьем...

Ни разу еще Мазур не видел у своей тещи столь радостной физиономии. Рот у нее, правда, был залеплен широкой белой полосой полупрозрачного скотча – но глаза прямо-таки полыхнули радостью. Нет, все же очаровательная женщина, даже в таком виде, – а может, именно такому виду и благодаря...

Немая сцена затянулась не более чем на три секунды. Мазур бесшумным кошачьим шагом передвинулся влево. Тесть дернулся, попытался встать, его опекун чисто автоматически протянул руку, чтобы удержать на месте...

– Всем стоять! – повторил Мазур. – Кто дернется...

Положительно, ребята были профессионалами – застыли, кто где оказался, прекрасно понимая, что дернувшийся первым пулю первым и получит. Никому не хотелось стать пионером в этом сомнительном предприятии. Конец двадцатого века вообще скуден на героев, порывавшихся бы заткнуть грудью амбразуру.

Мазур повелительным взглядом послал Михася в соседнюю комнату. Тот, едва заглянув, отрицательно покачал головой и занял прежнюю позицию. Нельзя было давать им время на раздумья, и Мазур, усмотрев подходящий по ширине кусок стены, тихо распорядился, мотнув головой:

– Туда! Руки на стену, ноги шире! Кто дернется... Эй, диктофон положи на кресло – медленно, плавно... Сидеть!

Последнее уже относилось к тестю, попытавшемуся было вскочить, – не хватало еще, чтобы начал метаться по комнате и кто-то воспользовался им в качестве живого щита...

Трое приняли указанную Мазуром позу. Михась, благо на столе лежал и нож, и моток белой синтетической веревки, мгновенно отхватил несколько кусков и выскочил в прихожую, дабы спеленать ушибленного привратника и вырубленную Кеану. Взяв освободившийся нож, Мазур одним рывком рассек веревки на запястьях Ирины и осторожно отодрал со щек и губ клейкий скотч. Она была в некоторой заторможенности и потому даже не потянулась прикрыть грудь, вообще не шевелилась – сидела и тарасилась на него округлившимися глазами. Мазур мимоходом отвесил ей пощечину – в целях предупреждения истерики, на посторонний взгляд игривую, но довольно чувствительную. Сделал страшную рожу тестю – которым некогда пока что было заниматься.

На столе отчаянно запищала черная рация-переноска, замигала зеленая лампочка. Некогда было обыскивать троицу на предмет документов и любых других улик – Мазур выработанным за годы звериным чутьем ощущал, что пора сматываться, и как можно быстрее. Неважно, мафия это или спецслужба – за ребятами определенно *организация*, в какой, вполне возможно, уже заливаются тревожные звонки, лихие события в том магазине не могли остаться незамеченными...

Он махнул Михасю и с разбегу оглушил крайнего справа в шеренге. Михась тут же попотчевал двух остальных – от всей души, на совесть. Сзади слабо ахнула Ирина, зрелище и в самом деле было малоэстетичное, далекое от общечеловеческого гуманизма. Мазур, окинув беглым взглядом павших витязей, повернулся к ней и посоветовал:

– Застегнись, простынешь.

Видя, что она все еще пребывает в легоньком трансе, сам подошел, застегнул блузку, верхнюю пуговицу летних брюк. Тут только она дернулась:

– Лифчик...

– Оставь на память, – нетерпеливо сказал Мазур, озираясь. – Новый купишь...

Схватил со стола ее сумочку, заглянул, убедившись, что документы тестя с тещей там так и лежат, – но их явно вынимали для просмотра, все в сумочке перерыто, – сунул теще в руку, подхватил с кресла ее бежевый пиджак, накинул на плечи. И тогда только перерезал веревки на руках у тестя, подтолкнул его к двери:

– Ходу! – Подхватил попутно диктофончик и спрятал себе в карман. – Ира, пошли, без истерик...

– Нужно же милицию вызвать! – в голос предложил тесть. – Это мафия какая-то...

Не вступая в совершенно излишние дискуссии, Мазур тычком наладил его к двери. Мимоходом отметил, что впервые в жизни назвал тещу на «ты» и без отчества, но некогда заниматься еще и психоанализом – вышел последним, держа пистолет дулом вниз в опущенной руке. Сверху как раз спускался какой-то тип – и увидев странную процессию, обратился в соляной столп.

– Тихо, – ласково, дружелюбно даже сказал ему Мазур. – Вот так и стой, да не ори...

Михась выскочил первым, держа руку с пистолетом в кармане куртки. Оглядевшись, направился за угол. Мазур распорядился:

– За ним, к машине, в темпе!

Тоже спрятав вооруженную руку в карман, двинулся замыкающим. Бабки на лавочке таранились вовсю, на лицах отражалась усиленная работа мысли, но явленная им загадка была чересчур сложной для того, чтобы разгадать ее с маху. Мазур с ними мимоходом вежливо раскланялся и быстрыми шагами направился за угол, то и дело подталкивая Ирину нетерпеливыми шлепками по талии.

Он уже собирался юркнуть за угол, когда за спиной отчаянно взвизгнули тормоза. Обернувшись, инстинктивно вырвав руку из кармана.

Из косо вставшей поперек дорожки синей «пятерки» в хорошем темпе выскакивали хмурые здоровенные ребята – числом трое, два облачены скорее по-спортивному, третий в хорошем костюме с галстуком. Они по инерции метнулись было к подъезду – но тут «костюм» заметил Мазура, затормозил с маху и, не колеблясь, сунул руку под мышку...

Мазур, коли уж такое дело, тоже не колебался. Аккуратно и метко прострелил ему плечо. Мог бы сделать и дырку во лбу, но наглеть не стал – кто их знает, вдруг все же на государство работают...

Обеих бабуль словно вихрем снесло со скамейки – Мазурова пуля зыкнула как раз над ними. Но вместо того, чтобы залечь, обе бестолково затоптались, оглашая округу воплями:

– Хулиганье! Милиция!

Мазур, прямо-таки перекосившись от их наивности и полного непонимания ситуации, перехватил пистолет обеими руками, вмиг заставив себя собраться и стать боевой машиной. Оба оставшихся в строю противника – «костюм» сидел на корточках, оскалась от боли и зажимая плечо окровавленной ладонью – уже полезли за пушками, а Мазур что-то не верил в их гуманизм, могли открыть беспорядочную пальбу, ничуть не озабочась наличием на биссектрисе огня посторонних бабуль...

Он выстрелил четыре раза, перемещаясь вправо-влево короткими шажками, приседая, ухитряясь островком сознания ругательски ругать про себя метавшихся у лавочки бабок. К их воплям присовокупился нелюдской вой – это Мазур прострелил одному из верзил коленную чашечку. Отнюдь не смертельно, зато жутко больно. На какое-то время человек совершенно перестает интересоваться окружающей действительностью и жаждет одного – чтобы его кто-нибудь пожалел...

Чертовы бабки мельтешили, как мотыльки. К тому же третий, недостреленный, успел лихим кенгурячьим прыжком перемахнуть через капот машины и укрыться за нею. И, в свою очередь, начал палить, что было с его стороны самым естественным поступком, но Мазуру

ничуть не понравилось. Над головой у него звонко разлетелось стекло в одном из окон первого этажа, кто-то внутри ошалело возопил, – и Мазур кинулся за угол. Обернулся, махнул рукой. К нему задним ходом подлетела «Волга», тормознула рядом, но он терпеливо выжидал: умный в такой ситуации будет сидеть за машиной, а дурак кинется вдогонку...

Уровень интеллекта своего противника он определил секунд через пять, когда стоял, прижавшись к стене. Верзила бомбой вылетел из-за угла, предполагая, что беглец уже улетывает со всех ног, – и тут же поплатился за нездоровый охотничий азарт. Первый удар сбил его с ног, второй пришелся по затылку. Мазур был сыт неожиданной бондианой по горло – и, убедившись в отсутствии противника, с превеликим облегчением запрыгнул в заднюю дверцу, пока на него не сбежались глазеть со всего микрорайона. «Волга» рванула, как спятивший метеор, Мазира швырнуло на Ирину, да так, что она жалобно охнула.

Глава вторая

Уютная родная гавань

Майор Кацуба чем-то неуловимо смахивал на кота – то ли редкими усиками в три волосинки, которые, несмотря на всю их убогость, тем не менее холил и лелеял, то ли мягкими, плавными движениями, то ли хитрющими глазами. Правда, кот этот отнюдь не выглядел балованным домашним мурлыкой, скорее уж битым и травленным ветераном помоек – Кацуба был худой, высокий и жилистый, словно бы подкопченный с целью удаления излишков жира и влаги. Мазур с удовольствием сходил бы с ним в баньку – поглядеть украдкой, не найдется ли на теле шрамов, и каких. Человеку понимающему любой шрам кое о чем говорит. То, что их не видно на открытых обозрению кистях рук и лице, ни о чем еще не говорит. По слухам, та еще птичка – то ли левая, то ли правая рука генерала Глаголева, заведовавшего здешним «Аквариумом», то ли иной какой жизненно важный орган. Во всяком случае, Морской Змей советовал быть с ним настороже.

Пока что все протекало почти что идиллически – Мазур сидел в углу, смоля сигареты, от которых во рту уже стояла противная горечь, а Кацуба (похоже, в третий раз) старательно читал его отпечатанный на машинке рапорт, хмурясь, похмыкивая и порой покусывая нижнюю губу. Когда он стал складывать прочитанные листы в стопочку на краю стола (а допрежь того не выпускал их из рук), Мазур понял, что конец идиллии близок. Дело тут не в традиционном соперничестве меж армией и флотом – просто ситуация такова, что неприятных вопросов не избежать...

Кацуба отложил последний листок, старательно подровнял стопочку, погладил усики концом авторучки (которую зачем-то все это время вертел в руке, так и не сделав ни единой пометки), поднял на Мазура хитрые косящие глаза и спросил:

– Можно, я вас буду называть полковником? Капитан первого ранга – слишком длинно, а каперанг – то ли на «капор» похоже, то ли вообще черт те на что...

Мазур пожал плечами:

– А какая разница...

– Ну вот и отлично. Может, и «выкать» не будем? Ты, скажем, Степаныч, а я – Артемыч? Мазур столь же нейтрально пожал плечами.

– Вот и ладушки, – сказал Кацуба. – Степаныч, садись поближе, нам еще болтать и болтать... Генерал стоит на дыбах. Он у нас характерный, и столь хамского обращения со славным представителем флота российского, да еще засекреченным орлом, терпеть никак не будет. Землю роите орет, яйца в дверь пихайте... А кому яйца-то пихать, ежели ни одного языка? Что ж ты, Степаныч, не озаботился хоть одного прихватить?

– Некогда было, – тщательно взвешивая слова, сказал Мазур. – Так все крутилось... А что там с удостоверением? И с хазами?

– С хазами так быстро не получится, зато удостоверение, сразу тебе скажу, липовое. Да-с. Но хорошо нарисовано, с ба-алыпим приближением к реальности, человеком понимающим... Степаныч, я тебе балаболом, часом, не кажусь? Что ты все плечиками пожимаешь?

– Не кажешься пока, – сказал Мазур. – Может, это у тебя стиль такой... Артемыч...

– Точно, – сказал Кацуба. – Беседа у нас с тобой самая что ни на есть неофициальная, откровенно-то говоря. Официальное расследование, сам понимаешь, начнется через денек-другой и пойдет по другому ведомству, а пока что идут сплошные забавы в плащи и кинжалы, к чему дипломатов изображать? Согласен?

– А что мне? – хмыкнул Мазур.

– Ну и молодец. Успеешь еще с официальными расследователями побакланить со всей возможной чопорностью. Ты вдобавок ко всему еще в отпуске числишься, так что развались посвободнее, пузо почешь, если чешется... – и тем же тоном продолжал: – Как на твой неподвизтый взгляд – кто это? Гангстеры или государственная служба?

– Совершенно не представляю, – подумав, сказал Мазур чистую правду. – Ты не посчитай за похвальбу, но я лучше в забугорных *конторах* разбираюсь, чем в отечественных. Специализация такая. Да и жизнь у вас на суше в последние годы такая запутанная, что сам черт ногу сломит.

– Резонно, – серьезно кивнул Кацуба. – Я вообще-то и сам не особенный спец по внутренней жизни, честно тебе скажу, так что другие землю роют, а я координирую да перед Глаголом один за всех отдуваюсь – и хоть бы кто спасибо сказал... Степаныч, тебе хамский вопрос задать можно?

– Смотря какой.

– Ты свою тещу, часом, вопреки массе анекдотов, по постелям не валяешь? Что таким зверем смотришь?

– Чего-то тебя, Артемыч, не туда понесло... – сказал Мазур сердито.

– Ну, а по-мужски? Она ж тебя на два годочка моложе, а вид таков, что наши лейтенанты стойку делают... – Он разглядывал Мазура холодными круглыми глазами. – Задумался ты, Степаныч... Прикидываешь, в чем тут подвох и с чего это я углубился в такие дебри, а? Так нету подвоха, полковник. Считай, во мне любопытство играет.

– Нашел время...

– Так мы же условились, что беседа насквозь неофициальная... Ладно, проехали. Чего-то я сегодня определенно глуповат... Так и прет из меня дурь. Считай, что я извинился. По всей форме. Так как, проехали?

– Проехали, – ответил Мазур несколько настороженно.

Вот и гадай, где тут подвох, – а он обязан быть, не тот майор простак...

– Как по-твоему, похожи эти орелики на иностранных шпионов? – совершенно безмятежно спросил Кацуба.

– Ну, это вряд ли.

– Что, так уж и не похожи?

– Нет, я неточно выразился, пожалуй, – сказал Мазур серьезно. – Я имел в виду, не верю нисколько, чтобы иностранные шпионы столь весело и непринужденно резвились в городе. Даже в наши идиотские времена... Останавливать на трассе среди бела дня, нагло, под видом милиции, таскать по явкам... Нет, ерунда.

– Вот и мне так кажется, – кивнул Кацуба. – И всем прочим, кто занят этим веселым делом. Продукт исключительно отечественный. И отнюдь не мелкая шпана. Из твоего рапорта вытекает, что это профи? Непонятно, чьи профи?

– Уверен, – сказал Мазур. – Они вообще-то мне показались ребятами хваткими. И скрутили мы их только оттого, что они, полное впечатление, плохо представляли, с кем связались. Не было у них времени поиграть в полную силу... – Он немного подумал. – Или суть вовсе в другом. Я бы не стал очень уж категорично формулировать, но все равно кое-что прокачал по горячим следам... Первые наметки пойдут?

– Еще бы.

– Они прекрасно провели операцию по захвату, – сказал Мазур. – Все четко, грамотно, по высшему разряду. Но дальше все у них пошло наперекосяк, а это наталкивает на версию: они попросту столкнулись с чем-то, чему их не учили...

– Конкретнее, – серьезно сказал Кацуба, задумчиво прикрыв глаза и помахивая авторучкой.

– Их не учили защищаться, такое у меня осталось впечатление, – продолжал Мазур увереннее. – Со мной самим дело обстоит почти так же, я на девяносто девять сотых учен нападать, я могу защищаться, но вряд ли способен наладить грамотную оборону на серьезном объекте... Не моя задача.

– А противодиверсионные мероприятия?

– Противодиверсионные мероприятия и оборона – разные вещи, если вы... если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, – сказал Кацуба. – Дальше?

– Я бы сказал, для них явилось полной неожиданностью, когда допрашиваемые вдруг превратились в нападающих. Они элементарно растерялись. Но это профи, зуб даю...

– Профи, которые не привыкли к тому, что допрашиваемый вдруг превращается в атакующего... – помахивая авторучкой в такт, произнес Кацуба, словно пробуя эту гипотезу на вкус. – Профи, которые умеют нападать и теряются, когда на них самих вдруг совершен налет... А это интересно. Это версия. Потому что, если подумаем, отыщем конторы, отвечающие этим условиям, нет? *Конторы*, – подчеркнул он голосом. – Поскольку криминальным структурам, по идее, следует одинаково хорошо владеть приемами как нападения, так и защиты. По идее... А в жизни возможны варианты – оборзели, распустились, рассчитывают, что никто на них в жизни не нападет... Словом, версия твоя интересная, но однозначно не скажешь, а?

– Конечно. При минимуме информации...

– И отсутствии успехов в моей работе по делу, а? – усмехнулся Кацуба. – Это ты подразумеваешь в подтексте?

– Подразумевать – еще не значит упрекать, – сказал Мазур. – Я же понимаю, вы только начали...

– Ну, спасибо, что не упрекаешь, – крайне серьезно сказал Кацуба. – Положеньеце у нас деликатное, хоть газетки помоев на нас льют вдсятеро меньше, чем в незабвенные времена угара перестройки, но все равно внутри страны приходится работать деликатненько, так, словно нас вовсе и нету... Вот, кстати. Тебя на завтра в РУОП вызывают. Повесточку привезли в штаб. Сам понимаешь, пришлось им передать чуток препарированные материалы по... – он помолчал, – по убийству в поезде. Вопросы у них, конечно, имеются, проще ответить, чем давить нашим авторитетам на ихних авторитетов...

– Понимаю, – тусклым голосом сказал Мазур.

– Съездишь, поговоришь, вряд ли они тебе что пришьют, ты же в любом случае – сторона пострадавшая...

– У тебя все? – спросил Мазур. Никакого желания продолжать разговор в этом направлении не было.

– Да вроде бы. – Кацуба задумчиво уставился в потолок. – Значит, к каким выводам мы пришли? Про иностранных шпионов не стоит думать даже в шутку. То, что у них оказался твой паспорт прикрытия, ясности не вносит – с равным успехом они могут оказаться и мафией, и государственной структурой... либо причудливой помесью того и другого: мафия плюс государственная структура в лице ее худших представителей, весьма нечестным образом подрабатывающих на стороне. Прецедентов хватает... – Он вновь принялся созерцать потолок. – Вот только при любом раскладе возникает сакраментальный вопрос: мотивы... Какие мотивы у них возникли, подвигнувшие столь бесцеремонно, столь нагло перехватывать вас всех прямо по дороге в аэропорт?

– А тесть с тещей что говорят? – спросил Мазур.

– Тесть уже ничего не говорит, с ним что-то вроде легкого микроинфаркта приключилось от всех переживаний, в нашу больничку увезли, в город... Теща покрепче, волевая женщина, Лобанов ее в пятом коттедже устроил, подождем, пока тесть оклемается, отправим в

Питер военным бортом для надежности... – Кацуба играл авторучкой. – Так вот, выясняли у них одно: кто ты есть такой. Где трудишься, чем трудишься. Судя по записи, тесть твой в непритворном страхе за здоровье супруги успел выложить все, что знал: военный инженер, в данный момент находишься в рядах славного флота, поехал в отпуск с женой. Когда спросили про пресловутый паспорт на фамилию Минаева, он им сказал, что ты, насколько ему известно, инженер шибко секретный, с новой техникой дело имеешь постоянно, вот оттого-то, должно быть, фамилий у тебя больше, чем нормальному инженеру, даже военному, положено. Ну, за то, что пел соловьем, винить его трудно – попади-ка посторонний человек в такие игры... Ладно, вернемся к мотивам.

– А что – мотивы? – сказал Мазур. – Хотят меня нейтрализовать, как крайне неуместного свидетеля. Возможно, сели на хвост тогда, на перроне. Вели до базы... Не удивлюсь, если и на похоронах кто-то наблюдал.

– И узнав, что ты – военный, все равно решили подержать за адамово яблочко... В общем-то, и это меня не удивляет – нынче никто никого не уважает, нет прежнего трепета. Вот только... – Он замолчал и какое-то время таращился на Мазура с простецким видом. – Ты им, случайно, на хвост не наступал уже здесь, по возвращении?

– Каким образом? – пожал плечами Мазур.

– Любишь ты плечами пожимать, я уж заметил. Ладно, я сам не без вредных привычек – авторучку вон грызу, что твой хомяк... Степаныч, Прохора Петровича, то бишь Сергея Суховцева, не ты мочканул?

Мазур, сжав зубы, смотрел в пол. Плюха была неожиданной.

– Ну, что молчишь?

– А какие доказательства? – спросил Мазур, все еще не поднимая глаз.

Кацуба хохотнул:

– Доказательства в том, что нет никаких доказательств... Так чистенько и культурно положить кучу народу, не привлекая ни малейшего внимания и благополучно растворившись в ночной тиши, мог исключительно толковый специалист...

– Мало их нынче от мафиозников кормится?

– Многовато, – согласился Кацуба. – Только у тебя, в отличие от многих, еще и мотив есть... Был, вернее. А? И кре-епкий мотив-то. Я в свое время был малость южнее Панамского канала... ну, турпоездка такая выпала. Насмотрелся на тамошние нравы – народ горячий, такая вендетта из-за любого пустяка закрутиться может, а если не из-за пустяка, так вообще святых вон выноси, туши свет и лезь в бомбоубежище... Ты не ерзай, Степаныч, – сказал он резко. – Я, во-первых, не военный прокурор, а во-вторых, прекрасно понимаю, что улик против тебя нет никаких. Не те вы мальчишки. А если уж предельно откровенно, то я на твоём месте сделал бы то же самое, точно тебе говорю. Еще и дом бы с землей сровнял... после всего пережитого. Не мое это дело – тебе мораль читать. Пусть читает тот, кто уличит, – а уличить тебя не смогут до двадцать второго столетия... Но если уж вокруг тебя – и вокруг серьезного объекта, кстати, – начались такие странности, знать я просто обязан. Посмотри на меня и кивни буйной головешкой – самую малость. Ну? Тебя это ни к чему не обязывает, а мне нужна полная определенность... Да ты не стесняйся, я на суше видел не меньше, чем ты на воде. В обморок не упаду и стучать не побегу. Альзо?

Мазур поднял глаза – Кацуба таращился на него зорко, с благожелательной подначкой – и чуть заметно кивнул, криво усмехнулся:

– Мой грех...

– Ну вот, а ты кобенился, – крайне буднично сказал Кацуба. – Неумный вы все-таки народ, водоплавающие: мало вам, что за рубежами многострадального отечества жмуриков штабелями кладете, вам еще непременно надо и в отпуске кого-нибудь зарезать. Как дети малые, честное слово. Работнички ножа и топора... Ну, я тебе обещал мораль не читать, зна-

чит, не буду. Я только себе позволю обратить внимание на крохотный нюанс... Ваша будущая операция, о которой мне и знать не полагается, все, конечно, спишет. Но не дай бог, окажется, что вся эта катавасия связана как раз с вашим ночным рейдом в район крайне престижных коттеджиков... Вот тогда для тебя есть определенный риск нахватать неприятностей – в сугубо неофициальном порядке. Не пугает?

– А меня сейчас ничего уже не пугает, – вяло сказал Мазур.

– Ну ладно, шагай уж. Появится что новое – скажу.

Мазур спустился с невысокого крыльца. Уже смеркалось, и повсюду зажигались окна – в серых панельных двухэтажках, протянувшихся в несколько рядов, в коттеджах вспыхнули желтые фонари, и вдалеке, на вертолетной площадке, вертикальной гроздью ярко-малиновых огней светилась решетчатая вышка. Этаким маленький городок – база была довольно приличных размеров, бог ее знает, что здесь крутили за десять прежних лет ее существования. Мазур, естественно, не лез с расспросами, знал лишь, что из здешних обитателей форма и содержание полностью соответствуют друг другу только у охраны и обмундированной части поселка. А все остальные могут оказаться кем угодно.

И з-за ближайшего угла почти бесшумно показалась здоровенная овчарка – согласно регламенту, выпустили сторожевых псов. Мазур под ее внимательным взглядом невольно опустил глаза к поясу, где должна была висеть короткая полоска материи. На месте. То же самое констатировала и овчарка – не приближаясь, потянула ноздрями воздух, лениво шевельнула хвостом и исчезла за углом. Неизвестно, чем была материя пропитана, Мазур специально нюхал и совершенно никаких ароматов, ни плохих, ни приятных, не уловил, но его настрою предупредили, что собаки, в отличие от человека, запах чуют прекрасно и любому, рискнувшему щеголять на территории базы без магического ключика, в горло вцепятся без всякого предупреждения.

На сопке прилежно крутились локаторы. Цепочка огней, по параболе опоясывающих лодочный причал, отражалась в воде длинными зыбкими языками. Поразмыслив, Мазур свернул к пятому коттеджу. Постучал в дверь. Изнутри довольно настороженно откликнулись:

– Да?

Он вошел, метко бросил на крючок фуражку, одернул дурацкий пехотный кителек с капитанскими полевыми погонами. Ирина сидела в крохотной гостиной, откинувшись на спинку кресла, все в тех же летних брюках и белой блузке (Мазур запоздало вспомнил, что в том клятом магазинчике чемодан с тещиними вещами вытащили из машины, для скрупулезного изучения должно быть, а они, прорываясь, ни о каком чемодане, конечно, не думали).

– Совсем забыл насчет одежды, – сказал он виновато. – Надо придумать что-то...

Ирина бледно улыбнулась:

– Мне тут уже предлагали военную форму. Других нарядов, сказали, не имеется. Ну, я отказалась – совсем отчего-то не тянет облачаться в форму, даже не всерьез... Хотя, уверяли, мне пойдет.

Мазур глянул на стол. Там гордо красовалась во всем своем неподдельном импортном великолепии бутылка «Гордона». И хмыкнул:

– Лымарь заходил?

– Ага. Проводил сеанс психотерапии с мягкими намеками на готовность раздвинуть понятие «психотерапия» до любых мыслимых пределов. Что, догадался?

– Дедуктивный метод, – сказал Мазур. – Нехитрая ассоциативная цепочка: очаровательная испереживавшаяся женщина, «Гордон» и ограниченное замкнутое пространство. Как правило, на конце цепочки оказывается доктор Лымарь.

– Он вообще-то миляга. Только у меня и без него голова идет кругом, пришлось деликатно выставить...

– Милейший человек, – кивнул Мазур.

Давно бы уже быть милейшему доктору капитаном первого ранга, не вмешайся судьба в виде беспутной доченьки некоего адмирала. Все бы ничего, но адмиралу пару лет назад президент одной крохотной африканской страны вручил высший орден своей державы, с тарелку размером, снабженный лентой, размалеванной в попугайские колера тамошнего штандарта. Адмирал оказался перед непростой философской дилеммой: орден хоть и высший, но африканский, а с другой стороны – хоть африканский, но все же высший. Тарелку эту он носил редко во избежание насмешек, но дома вместе с лентой держал в шкафу со всем возможным почетом. И как-то вернулся домой на два дня раньше, чем ждала дочушка.

В общем, все бы сошло – адмирал давно уже не строил иллюзий относительно морального облика единственного чада и как-то помаленьку стал свыкаться с заваливающимися в ее постели хахалями. Однако на сей раз, войдя в квартиру, бравый морской волк нос к носу столкнулся с выходящим из ванной субъектом, на котором всей одежды только и было, что набедренная повязка. Смастеренная как раз из вышепомянутой ленты. Лымарь потом клялся друзьям, что он, изрядно приняв на грудь, совершенно искренне считал эту тряпку разновидностью импортного полотенца, то же он попытался сгоряча объяснить адмиралу – но тот еще сильнее обиделся. Понимающий человек согласится, что адмиралы способны изрядно испортить жизнь чинам нижестоящим, а этот оказался особенно вредным и в лучшем стиле парусных фрегатов принес страшную клятву с богохульствами, заверив, что пока он пребывает на флоте, доктор очередной звезды ни за что не получит. Нужно добавить, что адмирал был крепок, как бык, и Лымарю грозила нешуточная опасность остаться вечным капитаном второго ранга...

– Может, и я некстати? – поинтересовался Мазур, не садясь.

– Да садись уж... зятек чертов. – Судя по уровню золотистой жидкости в бутылке, психотерапия шла успешно. – Выпьешь?

– Конечно, – сказал Мазур и налил себе немного, присел на краешек кресла, словно на раскаленную сковородку. Он никак не годился в утешители и оттого маялся – еще и от того, что был причиной всех ее неприятностей. Впрочем, называть пережитое неприятностями было бы чересчур мягко...

Остается надеяться лишь на ее характер – довольно спокойно держится, отвопила и отплакала, загнав все далеко в подсознание. Мазуру эта черта в людях весьма нравилась – помогала жить...

Ирина медленно выцедила виски, отставила стакан:

– Это что, какая-то секретная база?

– Что-то вроде, – сказал Мазур. – Около того и вообще...

– А они кто? Те? Шпионы, что ли?

– Да как тебе сказать... Не похоже.

– Конкурирующая фирма? Как в боевиках?

– Ох, да забудь ты обо всем, – сказал он в сердцах. – Справились, как видишь.

– А ты вообще-то инженер или кто?

– Как тебе сказать...

– Значит – «или кто», – усмехнулась Ирина. – Не такие уж мы темные, как-никак в Северной Пальмире обитаем... Тебе не кажется, что я имею право на кое-какие объяснения? После того, как мне приставляли нож к горлу в прямом смысле и требовали рассказать, кто ты таков есть? Иначе обещали такое, что вслух повторять не хочется.

– Ох, да тут такая ситуация... – безрадостно пожал он плечами. Врать не хотелось, а на правду не было санкции свыше. – Тебе майор Кацуба ничего кратенько не объяснял?

– Вот именно, кратенько. Про ваш секретный агрегат, за которым шпионы охотятся.

«Версия как версия, не хуже других, – мысленно отметил Мазур. – Вполне проходит...»

Ему пришло в голову: было бы даже лучше, примись Ирина его ругать или проклинать. Но она держалась довольно спокойно, только временами поглядывала с откровенной тоской.

– Мне медаль не полагается? – усмехнулась она, плеснув в стаканы еще на два пальца. – За стойкое поведение под пытками? Серьезно, я с самого начала принялась отчаянно визжать, что ничего не знаю, они, похоже, шума не хотели, вот и принялись за супруга. Прижгли, гады, до сих пор болит... – Она коснулась пальцами левой груди. – Хоть и смазали чем-то импортным.

Мазур выпил свое виски, как лекарство, досадливо поморщился и налил себе еще. Идти никуда не хотелось – куда и зачем?

– Я пойду быстренько душ приму, – сказала Ирина, вставая. – Мне тут халат раздобыли, как раз собралась мыться, тут ты пришел... Что поглядываешь? Не рыдаю? Сама понимаю, что следовало бы, но что-то замкнуло намертво и такая блокировка встала, что наружу ни единой слезинки не лезет...

– Это бывает, – сказал Мазур глухо. – Я пошел?

– Посиди, если не спешишь. Есть к тебе пара вопросов...

Она ушла, а Мазур уселся на подоконник, тупо таращился на покрытую множеством палых листьев улицу. Стояла тишина, как обычно. Не хотелось верить, что он сам загнал себя в некий жизненный тупик – в дополнение ко всему пережитому. Понемногу стемнело совсем, на столе горела лампа, а Мазур так и сидел в темноте, сгорбившись.

Вернулась Ирина, села в кресло, небрежно запахнув халат. Полы тут же соскользнули с колен. Мазур смотрел на ее высоко открытые ноги, на лицо, из-за глубокой тени казавшееся совсем молодым. Ощущение было жутковатое: временами столь остро и пронзительно мерещилось, будто перед ним сидит Ольга, новая, чуть повзрослевшая, набравшаяся печального и, в общем-то, не особенно и нужного жизненного опыта, что нехороший холодок подступал к затылку.

Ирина медленно вытянула руку, взяла налитый на четверть стакан, поднесла к губам. Во впадинке под макушкой, куда так надежно бывает всаживать пулю, у Мазура торчал кусочек льда.

Она выпила до дна, отставила стакан и тихо спросила:

– Во что ты втравил Ольгу? Она что, тоже имела отношение к чему-то... такому?

Он тяжело вздохнул:

– Ни к чему она не имела отношения. И ни во что я ее не впутывал. Жизнь впутала. Судьба...

– Бог ты мой, – сказала Ирина еще тише. – Дочку убили, муж – тряпка, зять – непонятно кто. Какие, к черту, флотские инженеры и засекреченные агрегаты, у всех тут – глаза убийц, даже у Лымаря. То-то у тебя орденских планок до пупа. А когда этот ваш Кацуба дружески улыбается, по спине морозом продирает... Кирилл, ты кто такой? Рэмбо какой-нибудь?

– Да я сам не знаю, кто я, – сказал Мазур, вздохнув.

– Ну, а как мне дальше жить, не посоветуешь? – Она вскочила, взметнулись полы распахнувшегося халата, встала вплотную к Мазуру. – Жить-то как, господи? Мало мне десяти лет перестройки, еще и влипла непонятно во что...

Мазур поднял руки и обнял ее столь спокойно и непринужденно, словно телом управлял кто-то посторонний. Прижал к себе, ладонью вмиг разделавшись с пояском халата, кое-как обмотанным вокруг талии. Ирина почти не сопротивлялась, опрокидываясь на постель. Мазур взял ее почти сразу же, охваченный паническим желанием избавиться от ледяного комка под самой макушкой, и женщина покорно раскинулась под ним в косой полосе лунного света, падавшей поперек комнаты, но тут же переплела руки на его шее, прижимая к себе и отвечая так, что он охнул от удовольствия, позабыв о ледышке. Вот только жутковатый холодок во всем теле упорно не проходил – под ним ритмично колыхалось незнакомое тело

и манера любить была совершенно другой, но стоило отстраниться, бросить беглый взгляд, и он наяву видел лицо Ольги со знакомым изгибом полуоткрытого рта, знакомой гримасой отрешенного наслаждения, снова и снова входил в нее в приступе чего-то, не имеющего названия, испытывал на все лады – в попытках то обрести прежнюю Ольгу, то окончательно убедиться, что это не она, что прежняя ушла безвозвратно. Лунный свет давно сполз с них, словно ожившее покрывало, а они не могли остановиться, потому что это означало возвращение в реальность.

И все же настал момент, когда пришлось вынырнуть из забытья в лунную прохладу. Они долго валялись на смятых простынях, прижавшись друг к другу без всякого раскаяния – был, правда, момент, когда Ирина попыталась плакать, но вряд ли от раскаяния, да и не получилось ничего, кроме глубокого отпечатка зубов на плече у Мазура. Он лежал, держа руку на бедре расслабленно привалившейся к нему женщины, и философски думал, что тоска, как ни крути, лечится самыми примитивными лекарствами – право слово, становится легче...

– Бог ты мой, ну и натворили... – прошептала Ирина ему в ухо. – Это как же называется – снохачество?

– Да нет, снохачество – это совсем другое, – сказал Мазур, подумав. – По-моему, это сексом просто-напросто и называется...

– Дрянь я, а?

– С чего бы? – удивился он искренне. – Извращенцы мы, что ли? Или кровная родня?

– Зато скоты все же изрядные...

– Брось, – сказал Мазур. – Жизнь иногда такие вензеля заплетает... Полегче стало, а? Вот видишь...

– И все же мы скоты, – шепнула она. И с типично женской логикой добавила: – Ну почему я тебя *тогда* не встретила? Ведь могла?

– Самое смешное, что вполне могла, – сказал Мазур. – Ты когда замуж выскакивала? Ага, я как раз первым курсантским шевроном блистал и чванился в том же самом городишке... Может, мы даже на улице встречались. Ты на моряков тогда внимание обращала?

– Нет, – сказала Ирина. – Я тогда была преогромная интеллектуалка с серьезными исканиями и невероятными духовными запросами. А нынешний благоверный сущим Эйнштейном казался, тогда еще мода на физиков не прошла, хотя и подтаивала уже... Можно идиотскую вещь сказать?

– Валяй.

– Возьми замуж, а?

– Ты же вроде бы некоторым образом...

По движению прижавшихся к его щеке губ Мазур понял, что она усмехнулась:

– Мы же в двадцатом веке живем, да вдобавок при его почти что издыхании... Правда, Кирилл, возьми замуж? Мне, как любой бабе, за каменную стену охота. Оба мы... перегоревшие, может, и получится более-менее удачно. Я, конечно, понимаю, что – жуткая стерва, такое сейчас предлагать, только во мне глупого бабьего еще больше, чем казалось...

Признаться, Мазура такое предложение чуточку ошарашило, и он понял, что угодил в недурственный капканчик: отвергать ее *сейчас* – изряднейшее скотство. Когда на могилке еще не осела земля, да и могилка та появилась в какой-то степени по его вине. Вот и получится своеобразное искупление грехов... впрочем, не в нем одно дело. Почему бы и нет? Может, как раз и удастся устроить то, что осталось от личной жизни, с третьей, самой неожиданной попытки?

Ирина подняла голову, не отнимая щеки от его груди, глянула в глаза. Лунного света было достаточно, чтобы Мазур видел ее лицо, полное печали и надежды:

– Правда, Кирилл? Не сопляки...

– Ох, Иришка... – сказал он, совершенно запутавшись в мыслях и чувствах. – Мне еще так не...

Совсем неподалеку грянул столь отчаянный и злобный собачий лай, что Мазур поневоле замолчал. Тут же откликнулись другие псы. За все дни, что прожил здесь, Мазур такого еще не слышал. Посмотрел в окно поверх плеча Ирины, но ничего увидеть не смог – собаки заливались гораздо правее, такое впечатление, будто сбегались в одно место со всей базы. Пожав плечами, потянулся к столу за сигаретами.

Раскатиисто-упругий грохот близкого взрыва заставил его замереть в нелепой позе. Чисто инстинктивно он рванул Ирину за голое плечо, перекатом бросил через себя, скидывая с постели так, чтобы постель заслонила их от окна, сам «щучкой» метнулся следом, успел подставить ладонь, чтобы не ушибла затылок об пол. И вовремя – в следующее мгновение взрывная волна вышибла стекло, осколки, воя и жужжа, пролетели низко над полом, звучно шлепаясь о противоположную стену. Автоматически Мазур прикинул по звуку их полета, по разлету возможную мощность взрыва – ну, ни хера себе...

Ирина трепыхнулась под его рукой. В той стороне визжала собака, словно от невыносимой боли, дважды могуче квакнула сирена. Отсвет близкого пожарища залил улочку, застрекотали длинные автоматные очереди. «Что за черт?» – изумился Мазур, распознав по звукам, что автоматчик лупит прямехонько в небо. Диверсанты? Война? Ерунда какая...

Настольная лампа погасла, тоже сброшенная со стола взрывной волной. Но желтые фонари за окном горели по-прежнему. Мазур встал на колени, поглядел в окно, щерившееся по всему периметру зубчатыми осколками.

По улице, в направлении разраставшегося близкого зарева, протопали люди, звучно передергивая затворы автоматов, снова взвыла и умолкла сирена.

– Господи, это еще что такое? – шепнула Ирина.

– Лежать! – страшным шепотом приказал Мазур, ничего еще не соображая, но по всегдашней привычке готовясь к худшему. – Ползи под кровать и лежи там, ясно?

На улице больше не стреляли, но беготня усиливалась, уже звучали резкие команды. Насколько Мазур мог оценить, паники не было ни малейшей.

Он еще раз прикрикнул на Ирину, выпрямился и осторожно пробрался к креслу, где в беспорядке валялась разбросанная одежда, – упругой кошачьей походкой, как учили, так, что несколько раз наступал на битое стекло, но не поранился ни разу. Наспех облачился, выскочил на улицу.

И тут же шарахнулся – мимо, воя и сверкая мигалкой, пронеслась здешняя пожарная машина, крохотная, на базе какого-то импортного микроавтобуса. Припустил следом.

Одна из панельных двухэтажек как-то странно изменилась. Подбежав поближе, Мазур рассмотрел сквозь рыжее пламя – словно бы вырвало угол с парочкой панелей, в комнате, лишившейся крыши, бушует пожар. Машина уже лупила по нему пухлой высокой струей пены, в подъезд как раз вбегали несколько фигур в мешковатых комбинезонах, навстречу им бегом волокли носилки, на которых лежал кто-то, кричавший столь непереносимо, что нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Бежавший рядом врач на ходу делал укол. Ошалело озираясь, Мазур видел распластавшуюся на газоне мертвую собаку, россыпи битого стекла. В собравшейся поблизости немногочисленной кучке людей он распознал нескольких своих парней. Потом, отпихнув его, пронесся здешний комендант подполковник Стеценко, в расстегнутой форменной рубашке, с непокрытой головой. Схватил кого-то за шиворот и принялся распоряжаться, для связки и доходчивости перемежая короткие команды жутким матом. И уже заорали в три голоса, дублируя его приказы:

– Всем разойтись! Лейтенант, добей собаку! Карпова сюда!

На Мазура налетел оскаленный автоматчик, недвусмысленно дернув прикладом:

– Всем разойтись! По домам!

Мазур прекрасно понимал, что никакие звания сейчас в счет не идут, комендант в этот момент царь и бог, так что получить прикладом по хребту можно запросто, будь ты хоть засекреченный адмирал. И дисциплинированно направился прочь, озираясь на ходу. К тем же точно умозаклучениям пришел, должно быть, вскоре догнавший его Морской Змей. Торопливо цокали каблучками юные связистки, жившие неподалеку, верзила-сержант подзывал собак и брал их на поводок – через плечо у него висел целый пучок. Пламя помаленьку сбивали, но дым все еще вздымался в небо.

Остановившись в тени, Мазур вытянул из пачки сигарету.

– Дай-ка, – Морской Змей взял у него мятую пачку. – Интересное кино...

– Что там?

– Да я не больше тебя знаю. Рвануло, вот и выскочил, согласно условному рефлексу. Как раз на боковую собирался. Странно.

– А что там, в том доме?

– То-то и оно, что жилой. Никакой взрывчатки и близко не было. А ведь ахнуло качественно. С кило будет, если на тротил перевести.

– А если там был «Скартекс» – и вообще... – задумчиво сказал Мазур.

– Я и говорю, – он покосился на темные сопки. – Полное впечатление, что прислали гостинчик...

– Что ты на меня так уставился? – Мазур ощутил некую неприятную тяжесть в желудке.

– Да так, – сказал адмирал, глубоко затягиваясь. – Прикидываю, не сваял ли дурака, разрешив тебе на стороне повыпендриваться...

– Думаешь? – насторожился Мазур.

– В совпадения не верю, вот и все. Что Кацуба говорит?

– Совершенно меня не интересует, что он говорит, – сказал Мазур. – Вот что он думает – это гораздо интереснее...

Глава третья

Ведмедь

Когда машина остановилась, Кацуба, предупреждая движение Мазура, потянувшегося было открыть дверцу, положил ему указательный палец на сгиб левой руки:

– Джаст минут, каперанг... Крепко запомни себе в голову: с этим обломом держись так, словно гуляешь босыми ногами по минному полю. Хотя кличка у него Ведмедь, мозги скорее лисьи... Усек?

– Усек, – сказал Мазур вяло.

– В общем, голова. Следи за базаром. И запомни еще, что у него, по недвусмысленным данным разведки, «синдром полковника». Разные бывают полковники. Одному достаточно пары просветов, другой стремится в генералы. Сам понимаешь, а?

Мазур кивнул.

– Очень ему хочется в генералы, понимаешь ли, – сказал Кацуба. – Дело в принципе житейское, только не за наш же счет? Пусть свою мафию раком и ставит, если такой приткий... Короче, генерал мне сказал, что с этим Шерлоком должным образом поговорили. Объяснили доходчиво, в общих выражениях, что такое есть наши базы и как чревато их трогать, сиречь мотать нервы нашим ребятам. Так что этот нюанс учитывай и используй. Не хами, но и не зарывайся. Я тебя в случае чего моментально выдерну, но зацепок лучше не давать, – он мимоходом, одним пальцем потрогал микрофон за отворотом пиджака Мазура. – Главное, что предъявить тебе ему нечего. Самое слабое место было – хата паромщика.

– Почему «было»?

– Сгорела хата, – хмыкнул Кацуба. – Позавчера. Такое вот вышло невезение. То ли шаровая молния залетела, то ли произошло самовозгорание поленницы. По-ученому – полтергейст. Ясно?

– А утром ты мне этого сказать не мог? – недружелюбно бросил Мазур.

Кацуба фыркнул:

– Может, тебе и жопу мыть на ночь? Ты будешь веселиться, вендетту устраивать во глубине сибирских руд, а мы тебе – нервишки успокаивать? Нет уж, надо было, чтобы у тебя серые клеточки заработали со страшной силой, чтобы ты извертелся весь, убедительные оправдания выдумывая... – Он пригладил кошачьи усики ногтем большого пальца. – Считай, что это тебе было вместо строгача с занесением по партийной линии, – надо ж чем-то компенсировать отсутствие парткомов, легоньким моральным террором разве что...

– Сука ты, майор, – сказал Мазур беззлобно.

– А то, – кивнул Кацуба. – Должность такая. Ты еще с генералом не общался, в роли проштрафившегося, Глагол бы тебе выписал впечатлений на всю оставшуюся жизнь... Словом, нету больше твоих пальчиков у паромщика, поскольку нету хаты. И не был ты там никогда.

– А пижманские менты их снять не могли? По горячим следам?

– То-то и оно, что не сняли, – сказал Кацуба. – Там тебе не Скотланд Ярд, там провинция а натюрель... Ладно, шагай и ухо остро держи...

Мазур кивнул, вылез из машины и быстро поднялся по грязным ступенькам. Его уже ждали – навстречу моментально шагнул парень лет тридцати с неприметным лицом и, невнятно пробормотав звание и фамилию, скороговоркой спросил:

– Гражданин Мазур?

Но спросил явно проформы ради, судя по тону, должен был знать Мазура в лицо. Возможно, и был на том допросе в областном УВД – Мазур тогда не особенно приглядывался к лицам, все они выглядели близнецами, и не было ни нужды, ни желания их запоминать...

А вот полковника Бортко Мазур никогда прежде не видел, но опознал моментально: по экстерьеру. Вряд ли их тут имелось двое таких. Медведеобразный верзила в штатском сидел, отодвинувшись от стола насколько возможно – стол ему был определенно мал, как и сама комнатка, довольно спартанского стиля, украшенная лишь ярким плакатом-календарем с изображением ушастого русского спаниеля и большим прямоугольным зеркалом в довольно новенькой деревянной раме.

Провожатый, стараясь двигаться как можно тише, поставил себе стул в углу и примолк там. Бортко, неуклюже обогнув стол, вышел навстречу Мазуру. Физиономия у него была самая что ни на есть простецкая – хоть сейчас засылай тайным агентом к пьющим слесарям, никто и не заподозрит внедренки. Причем, что интересно, Мазур не подметил и тени лицедейства – а это означало, что лицедейство было высшего класса, маска попросту приросла к лицу...

– Мазур, стало быть, Кирилл Степанович? – спросил Бортко с некоторой даже ноткой радушия. – Садитесь вот сюда и доставайте табачок, если курите... – Он вернулся на свою сторону стола и немного помолчал, опустив взгляд к лежащим на коленях широким ладоням. – Вы уж извините, что снова приходится вам душу беречь, да ничего не поделаешь, служба, как человек военный, понимаете, должно быть...

– Да, – сказал Мазур без всякого выражения.

Стол перед полковником был чист – ни единой бумажки, ничего. Только черная чугунная пепельница в виде ежика с несколькими окурками.

Какое-то время они смотрели друг на друга поверх этого пустого стола, потом Бортко пошевелился, чуть понурился и сказал:

– Мне тут настоятельно советовали вам особо не досаждать, говорят, вы человек невероятно засекреченный, в старое время и словечком бы перемолвиться не дали...

Мазур молчал, поскольку ответить было совершенно нечего – утвердительно кивать как-то глупо, а перечить – еще глупее. Парень за его спиной сидел тихонько, как мышь под веником. В какой-то момент Мазуру вдруг почудился тоненький электронный писк, но обращаться он не стал. Зато Бортко живо глянул поверх его плеча, спросил:

– Это не на вас ли микрофончик надет? А то у капитана что-то детектор распищался...

– У меня, – сказал Мазур, пожав плечами: – Правила, знаете ли...

– Ну да, – понативно кивнул Бортко. – Военные секреты, тайная война, фронт без флангов. Я так и подумал, что это на вас клопик, – мой-то кабинетик час назад проверяли по новому печальному обычаю... Честно вам признаюсь, даже некоторую неловкость в организации чувствую: как с вами, таким секретным, разговаривать, чтобы ненароком не нарушить чего?

Произнесено это было столь же простецки, без малейшего притворства или насмешки – и Мазур собрался, как перед прыжком. Сидевший напротив верзила был опасен, как неизвлекаемая мина.

– Жизнь у меня нелегкая, – сообщил Бортко. – И от текущей мелочовки, вкупе с текущим крупнячком, свихнуться можно – а теперь еще и ваша история...

– Ну, а вас-то кто заставляет? – спросил Мазур. – Вы же, насколько я понял, по организованной преступности работаете?

– Ох... – вздохнул Бортко. – Времена сейчас такие суматошные, что и не знаю даже, кто нынче прямыми обязанностями занимается. У начальства есть милая привычка – взваливать на шею все подряд, не разбирая. А возражать начальству как-то не принято. У вас ведь, должно быть, то же самое, а?

– Да, в общем-то... – сказал Мазур.

– Вот видите. Взвалили – и не пискнешь. Будь вы человеком не столь загадочным, прошло бы мимо меня и вообще мимо нас. Но грохнуло начальство кулаком по столу: «На твоей, говорит, Бортко, территории убили жену заслуженного человека, секретного капитана первого ранга...» Что тут попишешь? Только каблуками щелкнешь... – Он говорил так задушевно, что невольно тянуло ему посочувствовать. – Значит, вы с супругой из Аннинска ехали?

– Да, – сказал Мазур.

– Проведя там в гостях две недели у гражданина Шагарина Виктора Тимофеевича, что означенный гражданин подробно подтверждает... Авторитетный гражданин. Столь же серьезный и засекреченный... Настолько, что не верить ему ну просто-таки невозможно, в особенности если собственное большезвездное начальство три раза повторило: ты, Бортко, свои хамские замашки брось и работай, как джентльмен... – Он спросил участливо: – Как же так вышло, что этот негодяй к вашей жене привязался?

– Если бы знать... – сказал Мазур.

– Значит, вы, вернувшись в купе, увидели, что она лежит мертвая, а этот мерзавец стоит над ней с пистолетом?

– Да.

– И вы его...

– Да, – сказал Мазур сухо. – Это я умею. Есть претензии?

– Какие там претензии – законная самооборона плюс особое состояние души от психологического шока... Ничего необычного я тут не вижу. Любой мужик бы... – Он поднял голову и остро глянул Мазуру в глаза. – Я необычное в другом усматриваю. Свидетелей нет, ни единого.

– А что, на такие дела идут, сопровождаемые дюжиной свидетелей? – жестко бросил Мазур.

– Вы не поняли. Я о проводнице говорю. Исчезла проводница после прибытия поезда в град Шантарск. Случайно, не у вас в гостях обретается?

– Вот не знаю, – сказал Мазур. – Я в эти детали абсолютно не посвящен. Сами понимаете: наши особисты мне о своих действиях не докладывают. Я же не начальник, хоть и звезд изрядно...

– Понятно, – протянул Бортко. – А тут еще бригадир поезда загадок добавляет. Опрошенный по горячим следам, показал, что вы, когда пришли к нему, показали милицее удостоверение...

– Ну, это он напутал, – сказал Мазур. – Я ему показывал свое офицерское удостоверение, вот это самое. Не разобрался сгоряча, надо полагать.

– Надо полагать, – повторил Бортко. – Так он сам и заявил на втором допросе, три дня спустя. Горячо заявил, прямо-таки вращая глазами и махая руками для пущей убедительности. А в глазах-то у него страх стоял, я такие глаза знаю, рассмотрелся... Так он мне доказывал, будто в первый раз напутал, что жалко было больного...

– Ну, это ваши заморочки, – сказал Мазур. – Я вам рассказал, как было. Если у вас есть другая информация...

– Господи, откуда? – развел руками Бортко. – Ошибся человек, бывает. Ну с чего бы вдруг вам милицеем удостоверением размахивать, когда у вас есть свое, авторитетнее? Да и где вы милицеем взяли бы? И зачем? Вы же не гангстер, в самом-то деле, и интересы ваши, как мне намеркнули, направлены на зарубеж... Вы уж простите за нескромный вопрос, но в вашей семейной жизни не было ли трений или иных скандалов на разнообразной почве? Мало ли что бывает...

– Куда вы клоните? – спросил Мазур прямо.

– Изучаю проблему, как оперу и положено, – сказал Бортко. – Был у меня, знаете ли, печальный случай. Один тип, к стыду нашему, милицейский капитан, решил убить женушку. Не угодила чем-то, дело житейское. И убил, козел. Три раза ткнул ножом прямо на дому, а потом убеждал всех, что это ему садистски отомстили уголовные клиенты. И убедил почти, знаете ли. Только нашлась в его показаниях крохотная прореха, вовсе даже пустячная, однако отыскался рядом опытный опер, который за эту промашку тут же ухватился, ну, и размотал клубочек.

– Слушайте... – повысил голос Мазур.

– Да бог с вами! – Бортко излучал сочувствие и доброжелательность. – Я никаких параллелей не провожу и ассоциаций не ищу. Только органы, будет вам известно, – механизм громоздкий и разветвленный. И ваши показания, как любые другие, путешествуют по этому механизму достаточно долго. И на многих этапах попадаетесь хмурый, изначально подозревающий всех и вся народ. Рано или поздно появляется какая-нибудь желчная физиономия, набравшаяся хамства задать циничный вопрос: «А отчего это показания вашего потерпевшего основаны на его собственных словах? И только?»

– Уже задали?

– Можно сказать, – неопределенно ответил Бортко. – Тысячу раз простите, я ведь не из пустого любопытства стараюсь, понимаю, каково вам... Но факты – вещь упрямая. В купе – два трупа. И вы – единственный свидетель.

– А как насчет презумпции невиновности? – спросил Мазур сквозь зубы.

– Так никто ж ее не отменял, – сказал Бортко. – Я вам просто объясняю, какие вопросы возникают в иных умах – и не более того. А знаете, из-за чего эти вопросыки возникать начали?

За спиной Мазура тихо стукнули ножки стула, чуть погромче стукнула дверь. Он обернулся – парня в комнате уже не было.

– Все предельно упростилось бы, окажись ваш злодей поездным вором или иной уголовной шпаной, – сказал Бортко серьезно. – Но это ведь не уголовник и не ошавевший наркоман – покойный гражданин Денисов, как вам, должно быть, неизвестно, был человеком довольно приличным. Трудился на ниве маркетинга в шантарской фирме с лирическим названием «Синильга». Я бы, конечно, за стопроцентную добродетель покойного не поручился, частные фирмачи – тот еще народ, но признаюсь вам откровенно: компроматом на него не располагаю никаким. И какого черта он делал в том поезде – притом трезвый и наркотиков не кушавший, – никто внятно объяснить не в состоянии. И совершенно непонятно, зачем ему понадобилось убивать вашу супругу.

– Я его в жизни не видел, – сказал Мазур.

– Не сомневаюсь, – кивнул Бортко. – До этого печального случая ваши с ним пути никак пересекаться не могли – вы с супругой обитали в Питере, он – в Шантарске, где ж вам было познакомиться, а тем более на какой почве враждовать? Нигде не могли пересечься засекреченный балтийский каперанг и сибирский коммерсант... А вот взяли и пересеклись. Если б вы до того в вагоне-ресторане поскандалили – все зацепка. Но не было в том поезде вагона-ресторана, и ехал он, согласно билету, за три вагона от вас...

– А отпечатки на пистолете?

– Его отпечатки, тут вы правы, – кивнул Бортко. – И кобура от этого пистолетика была у него под мышкой. И пистолетик был насквозь незаконный. Только это ведь ничуть не объясняет странности всего происшедшего...

– Ну, а я уж тем более объяснить не могу, – сказал Мазур. – Только убил ее он. Некому было больше.

– Верю, – сказал Бортко. – Хотя и в толк не возьму, зачем ему понадобилось. Никто у него вроде бы маньяческих наклонностей не замечал. Вот только шефа, увы, не расспро-

сишь: убили хозяина «Синильги» пару дней назад. Так чистенько и грамотно положили в купе с женой и охраной, что получается классический тупик... Ну, мало ли. Задолжал кому или дорогу перешел. Нынче у нас норовят самые разные проблемы пулей решать... – Он покосился вбок, на стену. – Словом, пошли сплошные загадки, самые неожиданные пересечения... Вы, кстати, во время отпуска по тайге не гуляли?

– Нет, – сказал Мазур.

– А я тут краем уха слышал, что вы в Курумани какой-то плот строили. Основательное сооружение.

– Строил, – сказал Мазур. – Сначала и в самом деле хотели сплавляться. Потом жене что-то разонравилось – и поехали в Аннинск к Вите Шагарину.

– А плот куда делся?

Мазур пожал плечами:

– Проплыли мы всего верст пятьдесят – до Кареева. Там сели на поезд и поехали в Аннинск. А плот я пустил по Шантаре – что с ним было делать, не продавать же? Кому он нужен?

– Действительно... Дальше Кареева не добрались?

– Я же сказал.

Теперь и Мазур покосился на стену, точнее – на зеркало. Было в нем что-то неправильное. Рамка чересчур толстая, а само зеркало чересчур уж вровень со стеной. Вполне можно допустить, что это «стекло Гизелла» – зеркало с односторонней прозрачностью. По ту сторону может торчать целый взвод и пялиться на тебя во все глаза – а ты не увидишь ничего, кроме обычного зеркала. А ведь похоже... То-то и парнишка смылся. Свободно могли отыскать кого-то из тех лесных пожарников... ну, а что это им даст? Устные заверения, никакими доказательствами не подкрепленные?

– Значит, по тайге не гуляли... – сказал Бортко.

– Нет.

– Повезло вам, – сказал Бортко. – А то в тайге за последние недели творилось черт те что... – Он грузно встал со стула, вытянул из ящика стола потрепанную карту, положил перед Мазуром и стал тыкать в нее авторучкой. – Вот здесь – убийство, и здесь, и здесь тоже, под самым Пижманом, да и в Пижмане несколько трупов. Полное впечатление, словно шел какой-нибудь долбаный Терминатор и развлекался от души, ни разу не попавшись... И если мы эту воображаемую линию продолжим, она аккуратно в железную дорогу и упрется. Только там все наоборот: там, в поезде, убийца налицо, хоть и мертвый...

– И к чему вы мне все это говорите?

– Сам не знаю, – пожал плечами Бортко. – Просто выдался этакий вот сезон загадок, сатанеешь, честное слово. – Он нагнулся к Мазуру совсем близко. – И так и тянет вам очную ставку устроить.

– С кем? – глядя ему в глаза, спросил Мазур.

– С самым разным народом.

– А зачем?

– Вот то-то и оно – зачем? Даже если какому-то обормоту вы и покажетесь знакомым – всякое бывает, – подкрепить это ничем не удастся. Снова меня, болезного, одернут, я рожки и втяну, что та улитка... И поговорить нам совершенно не о чем, а?

– Не о чем, – сказал Мазур.

– Решительно? – Бортко дернул уголком рта. – Вы поймите меня правильно: я вас ни в чем не обвиняю и ничего не пытаюсь пришить. Не столько из врожденной доброты, сколько оттого, что дело безнадежное. Но вот если бы вы мне рассказали совершенно добровольно, я бы даже уточнил, как частное лицо – частному лицу, не наблюдались ли в нашей тайге какие-нибудь нехорошие странности? Не встречалось ли вам чего неприглядного?

– Не был я в тайге, – сказал Мазур. – Не взыщите.

– Точно?

– Точно, – сказал Мазур.

– Я понимаю, что вы насквозь засекреченный и крайне нужный державе человек, – произнес Бортко врасстяжку. – Но вот запросто, по-человечески могли бы поболтать? Я же не из любопытства вас пытаю, мне по работе знать надлежит обо всем, что в губернии делается...

Пожалуй, это звучало, как просьба – без лицедейства на сей раз. Но Мазур идти навстречу не собирался. Все было бессмысленно – доказательств нет, а половина свидетелей отправилась к праотцам...

– Ну, а все-таки? – мягко спросил Бортко.

– Нечего мне вам рассказать, к сожалению, – пожал плечами Мазур. – Не был, не видел...

– А если кто-то еще вляпается? Только не будет у него ни вашей сноровки, ни вашей крыши?

– А если доказать ничего нельзя? – в тон ему ответил вопросом Мазур.

– Это уж мне решать.

– Нет, увольте...

– А что там у вас в расположении рвануло? – спросил Бортко, неторопливо пряча карту в стол.

– Представления не имею, – сказал Мазур. – Это уж настолько не мое дело... Я ж не особист.

– Понятно.

Вошел неприметный, вновь бесшумно устроился на стуле и в ответ на взгляд шефа пожал плечами. Не похоже было, чтобы полковника это разочаровало, хотя Мазур ничего не стал бы утверждать с уверенностью.

И спросил, подумав:

– Я вам больше не нужен?

– Как вам сказать... – протянул Бортко. – С одной стороны, больше вроде бы и рассуждать не о чем. С другой – вроде бы очередная странность напрашивается в гости. Я ж говорю – странности у нас косяком пошли... Уж простите за новый нескромный вопрос: у вашей супруги татуировки были?

Вот этого Мазур решительно не ожидал. Поднял голову. Бортко вперил в него тяжелый взгляд. Молчал и ждал.

– Вот ситуация, да? – тихо произнес он, не отводя от Мазура колючих глаз. – Скажешь «нет» – соврешь. Скажешь «да» – придется объяснять...

– Что – объяснять? – тихо и недобро спросил Мазур.

– Ну, хотя бы откуда у молодой женщины из вполне приличной семьи, окончившей далеко не последнее учебное заведение, вдруг взялись наколки на манер эковских...

– Студенческие глупости, – отрезал Мазур, уже чуя что-то насквозь нехорошее.

– Оно конечно, – задумчиво сказал Бортко. – У самого дочка гранит грызет, всякого насмотришься... Развлекаются, как хотят, акселераты этикие...

– Я могу идти?

– Да нет пока что, – сказал Бортко и сделал какой-то знак адъютанту. Тот мгновенно пересел к столу, вытащил бланк протокола допроса и авторучку. – Боюсь, придется вас допросить по другому делу, где вы выступаете то ли в роли потерпевшего, то ли свидетеля. Уж и не знаю, как сформулировать – загадки вновь ходят косяками... Может, попросту казенную бумагу взять и процитировать?

– Сделайте одолжение, – сказал Мазур.

Бортко извлек из стола папку, из папки – несколько листочков, бегло пробежал их взглядом, переложил – должно быть, согласно нумерации, – и, не поднимая глаз на Мазура, принялся бубнить:

– «...в ноль часов шестнадцать минут внимание экипажа патрульно-постовой службы отдельного батальона ГАИ привлекли находившиеся на Кагалыкском кладбище неизвестные. Во время приближения к ним для проверки документов по старшему сержанту Тополькову В. С. и лейтенанту Ильину М. Т. неизвестными были произведены выстрелы из автоматического оружия с причинением множественных пулевых ранений, вызвавших невозможность действий по задержанию...» Коряво написано, что греха таить, но суть ухватываете?

– Ухватываю, – сказал Мазур.

– Короче, ребят положили на месте. Они особо не береглись – решили, видимо, что там опять бичи собрались водку трескать и венки воровать... Шли в рост с зажженными фонарями. Водитель залег у ограды, стал палить, потом начал вызывать подмогу. Только никого взять не удалось – у них там была машина, успели смыться. Несколько дорог, местность сложная... Когда приехала опергруппа, обнаружилось, что могила вашей супруги вскрыта, гроб извлечен и также вскрыт.

– Как... вскрыт? – глухо спросил Мазур.

– Гвоздодером, надо полагать. Или ломиком, – безразличным голосом продолжал Бортко. – По заключению экспертов, подушечки пальцев, все десять, испачканы веществом, аналогичным применяемому в дактилоскопии для снятия и фиксации отпечатков пальцев. Проще говоря, сняли отпечатки. Каких-либо других целей вроде бы не было. Ничего пояснить не хотите?

– Нет, – сказал Мазур, непослушными пальцами выковыривая из пачки очередную сигарету. – Потому что сам ничего не понимаю.

– Так-таки и ничего? Снова совпадение? Или просто так кому-то шизанутому вздумалось с трупами играть? Я ведь вам лапшу не вешаю и на пушку не беру. На парней в морге посмотреть хотите? И как, по-вашему, я еще мог о татуировках узнать? Да оттуда же, из протокола осмотра трупа... – Он вновь навис над Мазуром. – Ну ты ж мужик и офицер, что ты мне тут крутишь сироту казанскую? Я не говорю, будто ты что-то натворил, но объясни ты мне, во что вы с ней *вляпались*! Что вы такое видели? Был ты в тайге. Иона была. И что-то там у вас произошло с мальчиками из «Синильги». Нет? – Он вновь вытащил карту, чуть не порвав, яростно развернул. – Вот здесь – прииск «Синильги». Здесь – их дачка, возле заповедника, собственно, в самом заповеднике... Здесь, на переправе, пришили их людей – и свидетели оч-чень подробно тебя описывают... И жену твою тоже.

– Может, они еще и описывают, как я на глазах у них мочил кого-то? – хмыкнул Мазур, не поднимая глаз.

– Не танцуй. Сам прекрасно знаешь, что они описывают.

– Ну, тогда, может, и проведем опознание по всей форме? – спросил Мазур. Кивнул на стену. – Эти фокусы с зеркалами, насколько помню, совершенно незаконные...

Бортко яростно сопел.

– Сам знаю, – сказал он, немного остынув. – А незаконные они потому, что на законное опознание у меня санкции нет и никто мне ее не даст. Ты ж у нас со всех сторон прикрытый, супермен хренов, из-за тебя меня генералы раком ставить будут... И свои, и чужие. Так что выпорхнешь ты отсюда, весь в белом, а я останусь понятно в чем... – Он окончательно успокоился, сел у стола, закурил. Глядя в пол, громко спросил:

– Все его опознали?

– Все, – сказал сидящий у двери.

– А толку-то от этого... – поднял на Мазура злой и упрямый взгляд. – Так вот, Ихтиандр, – нисколько не верю, что тут имеют место некие шпионские игрища. Я, конечно, полный болван во всем, что касается шпионажа, но в этой комнатухе сижу давно и этот город знаю вдоль-поперек. Ты мимоходом вляпался в некую уголовщину, вылез из нее благодаря выучке, положил кучу трупов, да вот жену не уберег... Так мне вещует опыт, а опыта у меня богато. Так оно все и было. И никак иначе. Я не требую, чтобы мне выдавали государственные тайны, но обо всем, что касается моих клиентов, хочу знать как можно больше. Усек?

– Я могу идти?

– А ты му...ак, – сказал Бортко. – Уж прости за прямоту.

– Какой есть.

– Может, фотографии с кладбища показать?

– Чтобы я озлился и помог следствию? – хмыкнул Мазур, уже успевший встать. – Не пойдет, точнее, не выйдет. Ты уж извини, но что-то мне не верится, будто тебе удастся чего-нибудь путного достичь... Уж мне-то виднее, – усмехнулся он горько. – Право слово, виднее.

Они стояли по обе стороны стола и смотрели друг другу в глаза. Сидевший у двери, казалось, и не дышит вовсе. Мазур и в самом деле чувствовал себя чуточку подонком – но он и впрямь не верил, что Ведмедю удастся чего-то добиться: не тот расклад, не тот народ. Все концы обрублены, иные сам рубил...

– Ну ладно, – сказал Бортко. – Сам попытаюсь. Есть, знаешь ли, опыт...

– Бог в помощь, – вежливо сказал Мазур.

Повернулся к двери. Неприметный парень невольно дернулся, собираясь загородить дорогу, но Мазур краешком глаза отметил, что полковник остановил его жестом. И пробасил в спину:

– Ты запомни для сведения, Ихтиандр: это у себя там ты – король. Морской царь. А если ты в *моем* городе во что-нибудь такое влипнешь – могут и генералы не спасти. И пока ты здесь, я с тебя не слезу, честно предупреждаю...

– Учту, – сказал Мазур, четко повернулся через левое плечо и вышел.

Шагал по коридорам, не различая встречных, в голове была совершеннейшая каша. Только сейчас ему стало приходиться в голову, что игра пошла гораздо серьезнее, чем представлялось. Если профессионализм тех, кто пытался расколоть их вчера, еще можно было свалить на пресловутые «мафиозные структуры», то ночной взрыв (похоже, совпавший по времени с событиями на кладбище) как-то особенно уж неприятно щемил сердце. Стоит только представить, что это не наглость, а уверенность в себе, – многое предстает совсем иначе...

Он чуть ли не запрыгнул в машину, яростно хлопнул дверцей. Кацуба неторопливо вынул из уха черный шарик на кольчатом шнуре, пожал плечами:

– Интересное кино...

– Все слышал?

– Естественно.

– Как думаешь, он не блефовал насчет кладбища?

– Так проверить-то – минута дела, – сказал Кацуба. – И не проходит у меня впечатление, что ты, голубь, нас втравил в паскуднейшую историю...

– А ты на моем месте сидел бы сложа руки?

– Да я ж тебя не упекаю, – сказал Кацуба. – Просто паскудных историй терпеть не могу – потому что работать заставляют, как папу Карло, чтобы их затушевать... А ты за меня работать не будешь, понятное дело.

– Хочешь, поработаю, – равнодушно отмахнулся Мазур.

– Ох, смотри, голубь, – хитро глянул на него Кацуба. – Поймаю на слове, у меня это запросто, а у генерала еще проще... – Он смотрел насмешливо и непонятно. – Помнишь «Джентльменов удачи»? «Косой, ты нырять умеешь?»

– Ладно, поехали, – нетерпеливо пошевелился Мазур.

– погоди, – сказал сквозь зубы майор. – Сейчас вся эта орава на красный остановится – я и рвану. И хвостик получится заблокированным... Башкой не верти! – прошипел он. – В зеркальце глянь с равнодушным видом, развались, сигаретку вытащи, словно мы тут еще час проторчать собрались за дружеской беседой – или ждем кого...

Мазур посмотрел в зеркальце, но ничего особенного не усмотрел – поблизости, по обеим обочинам улицы с односторонним движением, стояло несколько припаркованных машин, и люди сидели в трех из них.

– Который? – спросил он тихо.

– Вон та «семерочка» цвета мышиного помета, – оскалился Кацуба. – Только она нас не с самого начала пасла – когда выехали с базы, у зверосовхоза на хвост села совсем другая, а этим нас уже где-то в центре передали... Ребятки наглые, если полезли за нами к самому РУОП, – только это еще ни о чем не говорит, в смысле возможной идентификации... опа!

Мазур ждал рывка, но Кацуба рванул машину в самый неожиданный момент, так что каперанга швырнуло назад, и он выронил за окно едва прикуренную сигарету. С хищной улыбкой под реденькими усиками Кацуба выписал крутой вираж, под отчаянный визг покрышек ушел влево, на красный, разминувшись в паре микронов с дернувшейся было на зеленый «газелью», из-под колес брызнули воробьями прохожие – это майор с великодушным пренебрежением к правилам хорошего тона проскочил прямо по кромке тротуара. Машина промчалась до очередного светофора, оставляя сзади скрип тормозов и разногласную матерщину клаксонов, свернула на зеленый, начертила еще пару виражей, наконец неспешно, вполне культурно влилась в поток на Энгельса, уже ничем не выделяясь. Никакой хвост удержаться бы не смог.

– Ну, ты даешь... – покрутил головой Мазур.

– А ты так не умеешь?

– Умею. Только к чему так дергаться было? Они ж прекрасно знают, что мы обитаем на базе. И другой туда дороги, кроме как мимо зверосовхоза, нету. По воде разве что...

– Сам знаю, – сказал Кацуба. – Но едем мы, дружок, не на базу, и мне совершенно неинтересно, чтобы они вычислили ту хату, где нас ждут...

– А-а...

– Обратил внимание – он тебе не задал ни единого вопросика про твои лихие подвиги на тех двух «малинах»? Я про Бортко.

– Пожалуй, он и не знал, – сказал Мазур, подумав. – Иначе держался бы по-другому, несмотря на все ему напоминания о предельной деликатности. РУОП исстари живет в контрах с прочими службами, но есть же у них корпоративная солидарность, не хуже нашей, когда мента хлопнут, они все на дыбы встают...

– Вывод? Никакие это не менты...

– Да знаешь, я это и сам давненько подозреваю... – не без сарказма бросил Мазур.

– А вот интересно, что ты вообще насчет наших виновников торжества подозреваешь? Мафиозники это или *контора*?

– Не знаю, – сказал Мазур. – Даже после вчерашнего. Мы же эту тему уже развивали – я не оперативник, я боевик. Кстати, что там со взрывом?

– У генерала узнаешь, – сказал Кацуба. – А насчет виновников – советую подумать...

– Что, я должен?

– Должен, голубь, должен, – сказал Кацуба тоном, каким майору, даже аквариумному, вроде бы совершенно не полагается разговаривать с тем, кто носит на две аналогичные

звезды больше и сам причастен ко многим секретам. – Все равно тебе сегодня до вечера придется извилинами шевелить, гарантирую...

– Ты хоть намекнул бы, что там меня у генерала ждет...

– Увлекательная беседа, – хмыкнул Кацуба.

– Ничего в голову не приходит, честное слово, – серьезно сказал Мазур. – Говорил уже: не ориентируюсь в нынешней практике братских контор, а в трудовых буднях криминала тем более не разбираюсь. Судя по тому, что в газетках пишут о разгуле криминального элемента, все эти сюрпризы нам и мафия подкинуть могла. Не пойдут же они на меня в суд подавать из-за Прохора – а вот вычислить могли...

– Логично, – сказал Кацуба. – В связи с чем сам собой возникает интересный вопрос: если это мафия, почему они тебя примитивно не хлопнули, мстя за своего корешка? К чему им все эти спектакли?

– Вот уж не знаю, извини, почему меня не хлопнули... Меня, признаться, и нынешнее положение устраивает, когда я жив.

– Меня тоже, – сказал Кацуба. – Точно тебе говорю...

Глава четвертая

Новые сюрпризы

Кацуба сделал еще парочку кругов, проверяясь на предмет возможного хвоста, и, не обнаружив такового, погнал с предельно дозволенной скоростью по проспекту Авиаторов, свернул влево. Вскоре они подъехали к высоким зеленым воротам военного городка, привольно угнездившегося чуть ли не в центре Шантарска. Мазур здесь бывал лишь единожды, но, когда их после недолгой проверки документов пропустили, по сторонам глазеть не стал – все было насквозь привычно и знакомо.

Попетляв меж складов, они оказались у высокой бетонной стены с такими же зелеными воротами, на которых, как во множестве других военных городков, еще сохранились по старой памяти красные звезды. Здесь проверка была посерьезнее – хмурые автоматчики, заметно превосходившие по возрасту солдат-срочников, заставили выйти из машины, и Кацуба предъявил им сразу два пропуска, в двух экземплярах каждый – на себя и на Мазура. Впрочем, Мазуру и это было знакомо до скуки.

За воротами он точно так же не узрел ничего интересного – те же склады и казармы, разве что в окруженном стеной «городке в городке» заметно чище, чем снаружи.

Самая обычная на вид казарма. Еще одна проверка документов – каковую на сей раз осуществили двое прапорщиков с автоматами «Кипарис». Может, и впрямь прапорщики, а может, и нет. Они стали подниматься по лестнице, и Мазур машинально отметил, что выходящие на нее двери все, как одна, железные, с кодовыми замками. А здесь, несомненно, – замаскированная амбразура, где-то должна быть вторая, под пару, чтобы устроить перекрестный огонь... ага, вон она.

На третьем, последнем этаже Кацуба остановился, свернул к правой двери и сноровисто набрал код. Распахнул, пропуская вперед Мазура. Внутри, у самой двери, сидел за столом еще один хмурый прапорщик – на сей раз, должно быть, для разнообразия, без автомата. По крайней мере, ни на шее, ни рядом автомата не видно, что опять-таки ни о чем не говорило. Столы в военном ведомстве бывают всякие, попадаются и хитрые, способные при нужде шархануть из нескольких стволов, что твой взвод...

Тихий коридор, два ряда дверей. Никакой приемной не было – Кацуба постучал и, дождавшись, когда над косяком вспыхнет зеленая лампочка, потянул дверь на себя. Вновь пропустил вперед Мазура. Вошли. Ни отдавать честь, ни вытягиваться по стойке «смирно» не стали, оба были в цивильном.

О генерале Глаголеве Мазур был самую чуточку наслышан – точно, белокурая бестия. Повыше Мазура на голову, верзила с холодными голубыми глазами викинга. Помещать в одну комнатку с гремучей змеей категорически не рекомендуется – змейку жалко... Примерно так его Мазуру рекомендовали.

Однако смотрел на Мазура он вполне дружелюбно, и на столе не имелось ничего, напоминавшего щипцы для выдирания ногтей, – ну, такие штуки и в ящике стола прекрасно уместятся до поры...

– Садитесь, – сказал Глаголев, легким движением указательного пальца определив Мазуру место напротив своей персоны, а Кацубе – у стены. – Чувствуйте себя непринужденно, Кирилл Степанович. Наслышан о вас. А вы обо мне?

Мазур хотел пожать плечами, но благоразумно воздержался. Хитрый вопросик, не знаешь, как и ответить, как будет воспринято твое «нет» или «да»... Посему он вежливо промолчал, изобразив лицом нечто вроде озабоченного внимания.

– Вот, кстати, – словно не заметив заминки, сказал Глаголев. – У меня есть тут для вас экзотический сюрприз, под пиво. Готов поспорить, не едали...

Он остановил жестом привставшего Кацубу, сам ловко застелил пустой стол белой салфеткой, выставил из холодильника, скрывавшегося за полированной деревянной дверцей стеллажа, несколько банок пива. Бережно положил рядом сверток в белой плотной бумаге, несколько театрально развернул.

Мазур посмотрел с любопытством. Три мастерски закопченные коричнево-золотистые рыбы, но какие-то странные, хотя, несомненно, где-то виденные – величиной с небольшую селедку, но гораздо шире, с огромными головами, зубастые...

– Прошу, – радушно сказал Глаголев, указывая на рыб. – Ровно три, по числу присутствующих... Копчененькая пиранья под пиво – сроду не пробовал, а вы? Ну вот и испробуем. Пиранья, как говорится, аутентичная. Один мой знакомый ездил в Перу, посмотреть, как там наша техника палила по эквадорцам. Ну, выдалось свободное время, любит русский человек экзотических зверюшек, да и кулинарные эксперименты... Взял да наловил, попутно обучив перуанцев глушить рыбу гранатами. Они, хоть народ и горячий, до такого как-то не додумались. Очень, говорит, благодарили за науку. Вот и привез вязочку пираньи. Хотел для развлечения живых довести, да воду вовремя не поменял, передохли... Ну, угощайтесь. Вы, кстати, к перуанско-эквадорскому конфликту как в свое время отнеслись?

– Нейтрально, – сказал Мазур.

– И правильно, как к нему относиться? – Глаголев, подавая пример, принялся вдумчиво обдирать шкуру со своей рыбины. – Вы смотрите, получается, что твоя вобла...

– А они, случайно, каким-нибудь перуанцем не завтракали? – спросил Мазур, повертев в руках пиранью, пахнущую, надо сказать, столь же аппетитно, как и вобла.

– Мы с вами, по крайней мере, их за этим занятием не видели... – усмехнулся генерал. – В конце концов, русскому ли человеку пугаться позавтракавшей перуанцем рыбки? Мы что хошь сожрем... Ну, господа?

Он дернул колечко пивной банки и, подавая пример, отважно отправил в рот длинное перышко темно-коричневого мяса, глядя в потолок, прожевал, запил пивком и заключил:

– В общем, бывает и хуже...

Мазур тоже решил попробовать хищный деликатес – в самом деле, бывает и хуже, рыбка как рыбка...

– Хорошо сидим, – сказал Глаголев прямо-таки растроганно. – Ну, так уж у меня заведено – если ты ко мне пришел, а я пью пиво, садись со мной пить пиво, вот такой я командир. Слуга царю, отец солдатам. Царек у нас, правда, малость недоделанный, зато солдаты еще остались – солдат что таракан, его так просто не выморишь... Ударяйте по пивку, Кирила Степаныч. Жалко вот, гармошку не догадался прихватить. Кацуба на гармошке наяживает, словно какой-нибудь Мстислав Растопырьевич на контрабасе. У него особенно великолепно получается «Ich hatte einen Kameraden»⁵. Та самая мелодия, на которую наши положили пресловутый шлягер: «Средь нас был юный барабанщик...» Знаете эту историю?

– Знаю, – сказал Мазур.

– Музыка в точности та же, слова, конечно, другие. Но Кацуба хвастается, что знает канонические немецкие слова. Знаешь, Кацуба?

– Так точно, – браво отчеканил Кацуба.

– Споешь?

– Как же без гармошки?

– Без гармошки, действительно, не в цвет... – согласился Глаголев. – Отставить пение, Кацуба.

⁵ «Был у меня товарищ» – старая германская солдатская песня.

– Есть отставить пение.

Мазур прекрасно понимал, что с ним играют, словно с мышкой. Многолетний армейский опыт учит нехитрым житейским истинам: плохо, когда на тебя орет свой генерал, но еще хуже, когда зачем-то обхаживает чужой, да еще из такого заведения. Ничего хорошего из таких посиделок еще не получалось – особенно если учесть все странности вокруг базы...

Но деваться было некуда – приказ от непосредственного начальства самый недвусмысленный. И он прихлебывал пиво, отдирав с костей клочки мяса, старательно помалкивая или отделяваясь короткими репликами, все более неловко чувствуя себя под прицелом светлых варяжских глаз. Генерал словно бы не замечал в происходящем ни малейшего оттенка сюрреализма, можно подумать, каждый день попивал тут пиво с посторонними морскими офицерами. Кацуба вообще казался тенью, по недосмотру проникшей в материалистический мир. За все это время ни разу не зазвонил телефон, не постучали в дверь.

– А хорошо, – мечтательно сказал генерал, отставив пустую банку. – Сейчас бы водочки, да в баньку, да сосок в ассортименте... Ну, перейдем к грубой прозе жизни? Майор, бардак ликвидируй.

Кацуба моментально собрал в пластиковый пакет остатки импровизированного банкета, отправил пакет в урну и раздал им бумажные салфетки. Мазур внутренне подобрался – начинались танцы с волками...

– Ситуация, конечно, неприятная, – сказал Глаголев. – Столько лет существовала база – и жила она без всяких хлопот, а стоило вам появиться...

– Ко мне есть претензии? – спросил Мазур.

– Претензии, если покопаться, отыщутся к любому, – уклончиво ответил генерал. – К вам пока что есть вопросы... Кацуба, снимки. Вы как профессионал вполне можете сформулировать авторитетное мнение насчет ночного взрыва. Осмотрелись вчера утром?

– Конечно.

– Ну и?

– Кумулятивный заряд, – сказал Мазур. – Направленный строго вертикально. Вниз. Не самая современная конструкция, по-моему, но достаточно эффективная. Первые образцы появились еще во Вторую мировую, уже тогда эффект был недурной – полукилограммовая авиабомбочка прожигала танковую башню. Хотя... Несомненно, в комбинации с зарядом использовалось что-то зажигательное. Я бы сказал, нечто вроде «БД-19» или диверсионной «Иглы», вариант для подрыва емкостей с горючим. Не могу сказать точно, облегченный или стандартный – представления не имею, установили его там заранее или доставили.

– А как бы вы доставили «Иглу»?

– Самый надежный вариант – на воздушном шарике, – сказал Мазур. – Тут пошли варианты: шарик либо надут горячим воздухом и потому теряет высоту самостоятельно и быстро – неплохо для применения против объекта большой площади, когда точность не нужна, – либо наполнен газом, тогда по радиосигналу подвесной груз отсекается от тросика над заданной точкой. В общем-то, ювелирной точностью попадания и здесь похвастаться нельзя, ветер – штука капризная, но все зависит от целей, которые перед собой ставит диверсант...

– Великолепно, – сказал Глаголев. – Как будто вы сами бомбочку и подкинули. Ну, я шучу, понятно. Взгляните.

На нескольких снимках – покореженные, обгоревшие детальки с неременной масштабной линейкой в углу каждой фотографии. На последнем – какая-то черная тряпка, аккуратно расправленная, с полосой дырок.

– Все верно, – сказал Глаголев. – Остатки отсекаателя и направляющей полусферы, ребятки исползали на брюхе окрестности. А это – бранные останки шара. Часовой, молодец, заметил, прежде чем он улетел к воде, снял из автомата – видите пробойны?

– То-то пальба началась сразу же... – сказал Мазур.

– С военной точки зрения ущерб ничтожен – выгорели две жилые комнаты, один человек убит, двое ранены, плюс четыре сторожевые собаки. Песики, очень похоже, заметили шар, когда он летел не столь уж высоко над крышами, – Кацуба говорит, их тренировали и на непонятные летающие объекты. Сбежались туда, тут и рвануло... Да, наши определили, что шарик был наполнен гелием, но, судя по расчетам, летел грузновато и невысоко, то ли специально подобрали такой объем, то ли другого под рукой не оказалось, тут пока неизвестно... Вернемся к ущербу. Цинично говоря, он крайне ничтожен. Хамская демонстрация. Однако люди, располагающие подобной техникой, впустую не хулиганят. Даже при нынешнем бардаке такой заряд трудновато раздобыть – «список три», не вам объяснять, что это такое. Отсюда проистекает, что развлекался человек серьезный, чью принадлежность пока что невозможно определить... Что касается мотивов, с ними еще сложнее. Один из моих мальчиков на безрыбье выдвинул версию, будто базу пытаются оттуда выжить определенные элементы, присмотревшие райское местечко под коттеджи, – но сейчас не девяносто первый год, любой элемент понимает, что может получить от меня по рогам так, что мало не покажется... В хитрого психопата мне тоже отчего-то не верится. Посему, как ни печально такое говорить, у меня в качестве побудительного мотива остается лишь ваше присутствие... Я не садист, нервы вам мотать не собираюсь, скажу сразу: пока неизвестно, что именно вызвало вчерашний сюрприз, – ваше присутствие на базе или ваша дружеская критика по отношению к покойному владельцу фирмы «Синильга», выраженная крайне эмоционально и крайне профессионально. Поэтому никто не собирается запихивать ваши пальчики в машинку для выдирания ногтей. Пока что, – уточнил он с приятной улыбкой сытого людоеда. – Я не собираюсь читать вам мораль, да и Кацубе не велел – что тут скажешь, если сами загнали себя в ситуацию, когда можно огрести такие неприятности...

– Если бы на меня заимели зуб друзья и коллеги покойного, у них была масса времени и возможностей вульгарно меня хлопнуть, – сказал Мазур.

– Резонно. Признаюсь, именно такие умозаключения меня пока и удерживают от того, чтобы смахнуть пыль с машинки для выдирания ногтей...

– Вам удалось хоть что-то выяснить?

– Немногое, – сказал Глаголев. – Этот чертов магазинчик и квартира на Свободной прошли через столько рук, что концов пока не найти...

– Вопрос можно?

– Конечно.

– Почему вы упорно не рассматриваете самую простую версию? – спросил Мазур. – Лежащую на поверхности? Я – нежелательный свидетель. Возможно, единственный человек со стороны, знающий о таежных охотничьих забавах. Логично предположить, что отсюда все и вытекает...

Глаголев ответил, практически не раздумывая:

– Свидетели, знаете ли, имеют тенденцию делиться на опасных и неопасных. Мне кажется, вы давно уже понимаете сами, что относитесь к последним. Во-первых, уличить их невозможно. Во-вторых, во время бегства вы натворили кое-что, не позволяющее вам сейчас появляться принародно в белых сияющих одеждах и требовать справедливости. В-третьих, гораздо прагматичнее было бы убрать вас без лишнего шума, нежели по-дурацки баловаться со специфической подрывной техникой, рискуя впутаться в чреватый крайне серьезными последствиями конфликт с крайне серьезным ведомством. Согласен, и происшедшее на кладбище, и это ковбойское похищение идеально ложатся в гипотезу о том, что вашу личность устанавливали. В спешке, не считаясь с последствиями и затратами. Случившееся на кладбище может иметь только одну-единственную цель: сравнить отпечатки пальцев вашей жены с некими, уже имеющимися. А интересоваться это может опять-таки ваших

таежных приятелей. Снова возникает вопрос: почему вас не прикончили, если ими двигало желание отомстить? А другого желания у них быть не может, они-то прекрасно понимают, что вы не опасны в качестве свидетеля... Вы сами только что, буквально две-три минуты назад, признали, что прикончить вас могли давно.

– Кажется, положение у меня самое идиотское, – сказал Мазур. – Даже не оправдаться нужно – сообразить, в чем следует оправдываться... Будь это месть за Прохора, меня давно убили бы. Где-нибудь в городе. Так что, возможно, взрыв на базе с моими... прегрешениями и не связан? И все шло бы своим чередом независимо от моих поступков? Для чего-то же вам понадобилась моя скромная персона? Вы же не военная прокуратура, в конце-то концов... Чтобы залить мне сала за шкуру, не было нужды привлекать постороннее ведомство – свои ремней из спины нарезали бы столь же изящно и непреклонно.

– Непугливый клиент пошел, а, Кацуба? – усмехнулся Глаголев. – В старые времена у него зуб на зуб не попадал бы...

– Он нынче незаменимый, – в тон начальству поддакнул Кацуба.

– А это как посмотреть. За подобные художества могут и по головке не погладить. В особенности если у него дублеры имеются. Он не хамит, Кацуба, он уверен, что его шалости на ход событий нисколько не влияли...

Где-то справа от Мазура мелодично мякнуло. Генерал с Кацубой молниеносно обменялись взглядами, потом Глаголев прошел к двери, вышел в коридор. И вернулся буквально через минуту, с бумагой в руке. Мимоходом показал ее Кацубе – и тот прямо-таки расплылся в непритворной радости.

Генерал изменился мгновенно – хищно-упругие движения зверя, ни единого лишнего жеста.

– Все, – сказал он отрывисто. – Начали работать.

«Господи, – подумал Мазур, – неужели они всего лишь тянули время? Чрезвычайно похоже... Что за игры идут?»

– Бортко проявляет интерес к базе отдыха «Синильги» «Северная заимка»? – спросил Глаголев.

Мазур кивнул на Кацубу:

– Должна быть запись...

– Записи меня не интересуют, поскольку видеосъемки не велось. Меня интересуют ваши личные впечатления от встречи.

– Я бы сказал, «Заимка» его крайне интересует, – ответил Мазур. – Он, конечно, хитрован, но все же рискнул бы сказать, что его прямо-таки припекало...

– Все сходится, – бесстрастно сказал Глаголев. – Вчера вечером в него стреляли. История темная, но эксперт клянется, что это не покушавшиеся со стороны. В полковника стрелял человек, сидевший за рулем его собственной служебной машины, когда Бортко в нее садился. Только Ведмедь успел отклониться и, в свою очередь, шарахнул почти в упор. Не исключая, ждал чего-то подобного. Кстати, его шофер исчез.

– У него, должно быть, недоброжелателей... – сказал Мазур.

– С недоброжелателями у него давно установилось нечто вроде вооруженного нейтралитета, – сказал Глаголев. – В том смысле, что враждующие стороны воздерживаются от покушений на, если можно так выразиться, полководцев противника. Там свои правила игры, продиктованные житейской необходимостью. Между прочим, после покушения Бортко не предпринял ровным счетом никаких репрессий против подопечного элемента, что на него совершенно не похоже. Когда в прошлом году подстрелили его лейтенанта, город сутки стоял на ушах... Нет, он прекрасно знает, с какой стороны целили.

– А вы знаете? – спросил Мазур.

– Не знаю пока, – сказал Глаголев. – Ясно только, что вокруг вашей «Заимки» замельтешила масса народа, а «Заимка», надо понимать, сопротивляется... Элегантно, я бы сказал, отбивается. Вы шантарские газеты читаете?

– Каюсь, и не заглядываю.

– Кацуба, продемонстрируй.

Майор вытянул из лежавшей с ним рядом папочки довольно толстую газету – цветные фотографии, заголовки в три краски, название «Шантарский скандалист» выполнено вычурными буквами и пониже, шрифтом помельче, но столь же заковыристым, продублировано на английском.

– Новый бульварный орган, – прокомментировал Кацуба. – Второй номер – точнее, третий, потому что две недели назад был нулевой. Ознакомься. Сегодняшний. Тираж еще не отшлепали, ребята его из типографии увели... Данный номерок, конечно, не тираж.

Мазур бегло проглядел заголовки: «Инопланетяне над Елкином!», «Спит ли губернатор с Зоевкой Клименко?», «Милиционер-вампир!», «Студентки ударили ножом восемнадцать раз!».

– На четвертой странице полюбуйтесь, – хмуро сказал Кацуба. – Где заголовочек «Спецназ почти не виден».

Мазур зашуршал плотными страницами. На четвертой и на пятой, под растянувшимся во всю ширь развернутой газеты помянутым заголовком (выполненным готическим шрифтом с истекающими кровью буквами) в глаза прежде всего бросались яркие фотографии – зверские морды, перекошенные в крике и размалеванные черными полосами, устрашающего вида штык-ножи, блистающие во всей красе на переднем плане, дюжие молодцы в пятнистых комбинезонах старательно лупят друг друга по челюсти толстыми подошвами ботинок, выкручивают конечности, режутся на полосе препятствий, старательно минируют какую-то стену...

Мазур присмотрелся:

– Туфта. Вот это вообще никакой не спецназ – голландские мотострелки на учениях. А это – стандартный штык к «Стэнам» и винтовке номер четыре, в спецназе из-за громоздкости и полной устарелости не используется...

– Это мы сами знаем, – поморщился Глаголев. – Вчитайтесь в текст, это гораздо любопытнее...

– Пожалуй... – сквозь зубы сказал Мазур, пробежав первые же абзацы.

Автор, именовавшийся с крестьянской простотой Арчибальд Икс, пространно повествовал о некоем засекреченном объекте, в самые что ни на есть застойные времена бесцеремонно возведенном в живописнейшем местечке, в тайге, на берегу Шантарского водохранилища, где следовало бы устроить детский сад или иное заведение, служившее бы народу, однако коварные партократы и здесь показали свой волчий норов, оттягав у трудового народа уголья и передав их медноголовой военщине, тут же поспешившей приспособить подарок для самых низменных целей и бесповоротно нанеся ущерб окружающей среде, вплоть до реликтовых сосен, на которых пьяные военные вырезали штыками сначала похабные, а впоследствии и антиперестроечные лозунги. Полунамекami и звучными фразами рассказывалось о таинственных, крохотных подводных лодках, замеченных в прилегающих водах, о неназванных по фамилиям мирных рыбаках, чью лодочку, дрейфовавшую в полукилометре от берега, перевернуло взрывом, о бедных старшеклассниках, обманом замеченных на базу и злодейски загнанных в сауну к похотливым генералам. Словом, смесь сенсационной болтовни и душевной боли за прекрасные уголья, оскверненные военщиной. В самом конце Арчибальд Икс недвусмысленно намекал, что на базе, вполне возможно, хранится ядерное оружие, и миллионному городу следовало бы всерьез обеспокоиться столь страшной и явной опасностью, нависшей над Шантарском. В качестве доказательств похотливости

генералов прилагалось фото женской задницы, украшенной то ли татуировкой, то ли просто надписью: «Слава Советской армии», а байка о ядерном оружии подкреплялась снимком некой смутно различимой, но внушительной цистерны, покоившейся на прицепе «Урагана».

– Впечатления? – с любопытством спросил Глаголев.

Мазур пожал плечами:

– Может, я чего-то в гражданской жизни недопонимаю, но это, по-моему, чересчур...

Должна же быть какая-то цензура?

– Где сейчас цензура... – вздохнул Глаголев.

– И все равно, есть же какие-то правила насчет разглашения секретов?

– А как же. Только засунуть хвост в мясорубку этой газетке и персонально Арчибальду будет крайне затруднительно. Я уже кое с кем советовался... Никаких *реальных* деталей о базе этот скот не дает, обратили внимание? Ядерного оружия там не было отроду. Сауна, правда, есть, сами прекрасно знаете, но девиц на улицах для нее не хватало... И никакую лодку взрывом не переворачивало в указанные даты. Гораздо интереснее вот эта фразочка: «Не удивлюсь, если у них там при такой жизни завтра чего-нибудь шумно подорвется – и дай-то бог, чтобы не атомная бомба...» Приятное совпадение, а? В следующем номере вполне можно давать взволнованное письмо читателя Кособрюхова из близлежащей деревеньки Драчевка о загадочном ночном взрыве. О нем, кстати, слухи по городу уже пошли – поблизости, по другую сторону сопки, и в самом деле пара деревень, дачные поселки, зверосовхоз, фейерверк могли наблюдать и слышать непосвященные люди... Вот интересно, Арчибальд у нас экстрасенс или нет? Случайно он про грядущий взрыв ляпнул или как? Для всего окружающего мира там испокон веку была локаторная станция, а речь идет о намеренной утечке, зуб даю...

– Адрес редакции... – Мазур заглянул на последнюю страницу. – Абонентский ящик. Но ведь можно же доискаться? И взять в разработку? Я в такие совпадения тоже не верю...

– Воспрянули духом? – усмехнулся Глаголев. – Есть основания, признаться. Нападки на базу – это уже не нападки на вас персонально, устраивать подобные забавы с многокрасочной печатью только для того, чтобы сделать вам пакость, в первую очередь непрактично... Ни один серьезный человек на это не пойдет. А против нас играют люди серьезные, если набрались нахальства задираться с нашей конторой...

– Значит, с той стороны – тоже *контора*? – тихо спросил Мазур.

Глаголев молча разглядывал его с непонятым выражением лица, потом усмехнулся:

– У вас есть какие-нибудь предположения насчет того, зачем серьезной конторе ваша «Заимка»? Если есть, поделитесь. Право, любопытно послушать.

– Нет у меня никаких соображений, – подумав, признался Мазур. – Все, что я там видел, толкуется однозначно – наглый, зажавшийся криминал...

– Вот видите. В общем, я вас запяну, уж не посетуйте. Придется поработать. Главная тяжесть ляжет на хрупкие плечи Кацубы, а вы будете внушительно возвышаться на заднем плане и подыгрывать, смотря по ситуации. Как хор в греческой трагедии. Сначала съездите к одному весьма любопытному субъекту, Кацуба его знает, – а там, если договоритесь и он вам сдаст издателя «Скандалиста», двинете к нему...

Мазур уловил краем глаза, что Кацуба едва заметно дернулся, словно собираясь вставить реплику, но не посмел, похоже.

– Если договоритесь, вдвоем поедете к издателю, – повторил Глаголев явно для своего верного адъютанта. – Впервые видите, как планы меняются на ходу? Ты, Кацуба, и есть зам по хозяйству, про которого столь живописно изложено, как он ловил старшекласниц для генеральских утех. Обидно тебе стало, волосы на голове дыбом встали, как только представил, что будет, если женушка прочтет. Ревнивая она у тебя и к печатному слову до сих пор доверие питает. Зам в статейке оставлен анонимным, вот пусть тебе Арчибальд и докажет,

что не тебя имел в виду... А этот дядя, – он кивнул на Мазура, – твой двоюродный брат, который тоже в морду залезть не дурак. Словом, бутафорьте по обстановке, люди опытные, не учить же вас? Мне нужно, чтобы вы его посмотрели в привычной обстановке, налетев неожиданно. Водочкой, что ли, галстуки сбрызните, чтобы от вас припахивало... Если покажется, что того требуют интересы дела, и в самом деле навешайте по чавке, только не увлекайся, Кацуба, душевно тебя прошу, а то ты в Южной Америке ихнего менталитета нахватался... Позвонишь отсюда, от Володи. Шагом марш. Ступайте, господин капитан первого ранга, и впредь не грешите... А то ноги повыдержажу прежде, чем успеете в адмиралы проскочить, – и он улыбнулся столь простецки-хищно, что Мазур даже не сумел толком обидеться.

В коридоре, когда они подошли к двери, Кацуба жестом велел ему обождать, а сам без стука юркнул в ближайшую дверь. Мазур переминался с ноги на ногу, чувствуя себя чуточку глупо – хмурый прапорщик то и дело бдительно косился на него, а Кацуба что-то задержался.

На столе у прапорщика загудел зуммер. Страж глянул на маленький экран видеомонитора и вдруг явственно заерзал, то бросая на Мазура отчаянные взгляды, то порываясь нажать на большую синюю кнопку непонятого назначения. Полное впечатление, что Мазур ему чертовски мешает своим присутствием, но и куда девать постороннего, прапорщик не представляет. Глядя на него без всякого сочувствия, Мазур демонстративно отвернулся – пусть сами решают свои проблемы.

Решившись, должно быть, прапорщик встал и отпер дверь своими руками, хотя она, несомненно, была снабжена и магнитным замком, – когда нагрянули Кацуба с Мазуром, прапор остался за столом...

Краешком глаза Мазур смотрел, как входят трое – двое высоких крепких мужиков в штатском и темноволосая молодая женщина в бордовом брючном костюме. Прапорщик истово отдал честь, отступив на шаг, и тройца прошла мимо, держа курс на глаголевский кабинет. Точно, так и есть – шагавший первым уверенно постучал и вошел едва ли не раньше, чем мигнула зеленая лампочка.

Прапорщик уселся, делая вид, будто ничего не произошло, но за этой мизансценой, Мазур нюхом чуял, что-то такое крылось. Ну и черт с ними, пусть играют в свои игры...

Вышел Кацуба, мотнул головой:

– Двинули.

– Ох, и лялечки у вас тут ходят, – задержавшись из чистой вредности, сказал Мазур. – Видел бы ты, какая крошка без тебя к генералу протопала...

Прапорщик воззрился на него с нескрываемым ужасом – положительно, о крутой секрет Мазур мимоходом потерялся, – вскочил и шепнул что-то Кацубе на ухо. Тот еще больше посмурнел:

– Пошли, некогда.

...Когда перед ними стали медленно раздвигаться зеленые внешние ворота, Кацуба бросил:

– Пристегнись.

– Что, опять гонку устраивать будешь?

– Если на базу ведет одна-единственная дорога, сюда тоже только по Крупской проехать можно...

– Ага, – сказал Мазур. – Но это ж означает, что они не только меня, но и тебя в лицо знают? Следовательно, не в моих грехах дело?

– Умный больно, – сквозь зубы сказал Кацуба, выехал за ворота и свернул влево.

– Ну, это даже мне ясно, – сказал Мазур, глядя в боковое зеркальце. – Во-он, от обочины синий опелек за нами вывернул...

– Наблюдательный ты, Степаныч, – с кривой ухмылкой откликнулся Кацуба. – Хороший был опелек, новенький, блестящий такой... Ну, ты пристегнулся?

Он привычно перебросил рычаг, машина рванулась вперед. В зеркальце Мазур видел, что и «опель» с двумя пассажирами прибавил газу, держась метрах в тридцати. Справа был пустырь с широкой полоской чахлого газона, полузадушенного выхлопными газами, слева тянулись трехэтажные кирпичные домики сталинской постройки, закопченные по самые крыши.

Кацуба вдруг дал длинный сигнал, еще прибавил. Почти сразу же сзади раздался жуткий грохот, лязг, Кацуба понесся еще быстрее. Мазур оглянулся – сзади, полностью перегородив неширокую дорогу, стоял ЗИЛ-130, обшарпанный самосвал, в который, надо полагать, «опель» весьма неосмотрительно и врезался.

– Вот так, – сказал Кацуба, круто сворачивая на проспект Авиаторов. – А то обнаглели, скоро под окнами шататься будут...

– Кто это? – спросил Мазур без особой надежды получить ответ.

– Я так понимаю, хвосты, – усмехнулся Кацуба. – Которые следует тяпками рубить...

Глава пятая

Журналистика по-шантарски

Кацуба первым вошел в обширный цех с высокими оконными переплетами. Шаги звучали гулко, стояла тишина, повсюду лежали кучи желтых опилок, приятно пахло свежерезанным деревом и далеко не так приятно – чем-то вроде ацетона или мебельного лака. Насколько Мазур разглядел по дороге, вокруг и в самом деле бурлила вполне благопристойная, законопослушная работа – из ворот выезжали грузовики с мебелью, погрузчики таскали пакеты досок, отовсюду доносился визг пил, лязганье каких-то станков, без излишней суеты колготились работяги. Похоже, крыша была самая настоящая, старательно производившая мебелишку.

Пройдя зал насквозь, они вышли в небольшой внутренний дворик. Кацуба уверенно свернул к серому бетонному строеньицу, но вместо того чтобы взяться за ручку, полез большим пальцем куда-то за боковой косяк. Слышно было, как внутри тренькнул звонок. Краем глаза Мазур заметил, что в дверях цеха появился рослый крепыш, одеждой неотличимый от пролетариата, привалился плечом к железной створке двери, замер со скучающим видом.

Дверь приоткрылась, еще один верзила, по виду – близнец скучающего пролетария, секунду смотрел на них, потом немного оттаял лицом, кивнул Кацубе и распахнул дверь пошире. Они вошли. Внутри не оказалось ничего загадочного – обычная крохотная контора, в уголке, под лестницей, даже сохранилась со старых времен красивая доска с накладными деревянными буквами: «Экран социалистического соревнования». Правда, на ней не имелось ни фотографий, ни бодрых призывов, один фанерный профиль Ленина и отмененное красное знамя.

Провожатый распахнул перед ними дверь и остался снаружи. За простецким канцелярским столом сидел человек в простецком костюмчике – большелобый, с лысиной, обрамленной венчиком редких светлых волос. Комнатка была самая затрапезная – кабинетик завхоза и только, единственным новомодным предметом, с совдеповскими интерьерами не гармонирующим, оказался небольшой персональный компьютер, стоявший наискосок к Мазуру, раскрытый, как «дипломат», – видно было, как по экрану проплывают желтые строчки.

Сидевший без особой поспешности выключил импортную игрушку. Кивнул на обшарпанные стулья.

– Знакомьтесь, – сказал Кацуба. – Фрол Степанович – Кирилл Степанович, такое вот совпадение...

Мазур коротко кивнул. Кацуба успел посвятить его в кое-какие детали, и он уже знал, что этот простецкий на вид дядя – «черный губернатор» Шантарска, объемом власти и возможностями самую малость превосходивший губернатора официального. Однако смотрел без всякого интереса, скорее неприязненно. Умом он прекрасно понимал, что такое закулисная дипломатия плюс нынешняя сложность бытия, но сейчас этот человек для него олицетворял все пережитое в тайге...

– Выпьете? – спросил хозяин.

– Не стоит, – отказался Кацуба. – Еще остановит какой-нибудь ретивый сержантик, права отымет...

– Тогда, конечно, аргумент... Сержанты – бич божий. К здешнему завхозу регулярно заезжают, ироды, – нацеди да нацеди им спиртику, его, мол, все равно полно. Ну, цедит, что поделаешь, – он цепко глянул на Мазура. – Майор, ваш друг и вправду на меня глядит волком или у него имидж такой?

– Натерпелся человек, – сказал Кацуба.

– Слышал краем уха. – Он смотрел на Мазура серьезно, без насмешки. – Только я здесь, честное слово, ни при чем. Я вам, Кирилл Степанович, расскажу одну историю. Шла милая девочка, дочка знакомого моего знакомого, и повстречала двух в дымину пьяных морячков – старшин которой-то статьи, как они там у вас именуются... Предложили недвусмысленно, слов не выбирая, – она их послала, тогда один девочку ударил ножом. Насмерть. Вот вы мне скажите: следует теперь отцу брать автомат и мочить всех, кто щеголяет в морской форме, не разбирая погон и анкет? Между прочим, быть, я ради вас страшных историй не стану выдумывать...

– Да все я понимаю, – сказал Мазур угрюмо.

– Вот и прекрасно. Беспредельщиков на этом свете полно, будь мы в состоянии их гасить еще на взлете, жизнь настала бы просто прекрасная, но нет пока что такой возможности... – Он досадливо вздохнул. – Объяснял я майору: ни за что бы не допустил столь шизофренических забав на вверенной, как принято говорить, территории. Но вы, как люди военные, должны понимать: бывают ситуации, когда старший по званию построит себе дачку на территории твоего родного объекта, велит тебе ни во что не вмешиваться, и останется тебе одно – смотреть, стиснув зубы, как они там блюют с крыльца и кувыркаются с голыми профурсетками посреди двора... Не та у тебя астрономия на погонах, чтобы благородно протестовать.

– А что, замаячили... астрономы? – спросил Кацуба.

Лицо у него стало напряженно-хищным, даже подался вперед. Таким его легко было представить где-нибудь южнее Панамского канала – скользящим с автоматом наперевес меж экзотических разлапистых деревьев так, что ни один листок не шелохнется, ни одна окрестная обезьяна не встревожится и не заблажит... Мазур попытался угадать, где конкретно мог творить смертоубойные художества Кацуба, но ничего не придумал, конечно, поди угадай...

Фрол вынул крохотную гибкую дискетку, осторожно держа за углы двумя пальцами, сунул в конвертик и передал Кацубе:

– Чем богаты... Всецело полагаюсь на вашу деликатность, майор. В случае чего, могу вас заверить, не мне одному придется путешествовать под Шопена, так что вы уж поосторожней...

Кацуба спрятал дискетку так бережно, словно это был приказ о его производстве в первый генеральский чин, на миг расслабился с нескрываемой радостью, но тут же спросил:

– А как насчет мальчика?

– Ну, это-то не в пример проще... – Фрол черкнул в блокноте пару строк, выдрал листок и отдал майору. – Все координаты. Но я вас честно предупреждаю: держитесь осторожнее. Этот мальчик, что вдруг подался в бульварную журналистику, еще месяц назад перепродавал таким же соплякам сгущенку и презервативы. И совершенно неожиданно раздобыл вдруг энное количество «лимонов» на выпуск красивой цветной газетки. Словно в старых брюках нашел. Дело даже не в миллионах, которым у него неоткуда было взяться, а в самой метаморфозе – издательский бизнес, газетный особенно, нынче могут начинать с нуля только те, кто обрел хорошую заручку. Одна беда, не отследили пока что мои ребята никаких ниточек. Может, вам больше повезет. Знаете, когда я не могу найти концов, заранее начинаю слегка тревожиться: очень уж редко случается, чтобы система давала сбои. И каждый раз, когда такое случается, вблизи следует искать крупную фигуру, по-настоящему крупную, понимаете? Либо *местные* крупные фигуры вдруг начинают вести какую-то качественно новую игру, не имеющую отношения ко всем предыдущим хохмочкам, либо в наши Палестины неожиданно запускает щупальца некто издалека. Вариантов тут только два, без всякого плюрализма...

– Учту, – пообещал Кацуба.

– Кирилл Степанович, вы мне в свой черед маленькую услугу не окажете ли? Суший пустяк. Я вам покажу ворох фотографий – может, узнаете кого? Я имею в виду, кого-то из тех, с кем вас судьба свела в тайге этим летом?

Мазур покосился на Кацубу – тот повелительно прикрыл глаза. Фрол положил перед ним ворох фотографий – попадались и цветные, но больше было черно-белых, маленьких, любительских. Сюжеты не блистали оригинальностью, и запечатленные на них сцены, в общем, казались совершенно неинтересными: главным образом чисто мужские компании (а если попадаются женщины, в разряд дам или леди мало-мальски опытный мужик их ни за что бы не отнес) – за шашлыком на природе, за обильными столами, на пляже, иные разукрашены затейливыми наколками, иные выглядят невероятно респектабельно, на заднем плане маячат накачанные мальчишки туповатого облика (которым, должно быть, за стол садиться по рангу не полагается), порой на скатерти между бутылками небрежно валяются импортные пистолетики, чернявый восточный человек, театрально выпучив глаза, держит в зубах кинжал с роскошной рукояткой, девица в купальнике разлеглась на обширном капоте иномарки...

Мазур вздрогнул. Снова взял уже отложенную было фотографию, всмотрелся. Приложил к ней еще одну, цветную, побольше. И еще одну. Спросил:

– Бороду подрисовать можно?

– Ради бога. – Фрол покопался в ящике стола и подал ему черный фломастер, опробовав предварительно на листке. – Хоть рога подрисуйте, хоть что...

Мазур выбрал самую большую фотографию, ту, цветную. Примерился, прикинул – и тщательно пририсовал бороду крепкому мужичку лет пятидесяти, в белой майке и джинсовом костюме, сидевшему за простым деревянным столиком где-то в саду. Подумал, провел еще несколько линий, сделав короткую прическу довольно длинной шевелюрой. Удовлетворенно кивнул.

На него уставился колючим взглядом поганый старец Ермолай Кузьмич – собственно, не такой уж и старец, правая рука Прохора там, на «Заимке». Тот самый, которого хотелось убить даже сильнее, чем Прохора. Прохор, в конце-то концов, был явным параноиком, а Кузьмич пребывал в полной ясности ума и был по уши пропитан крайне поганой философией, с которой хотелось поспорить не иначе, как пулей или десантно-штурмовым ножом, – и чтобы подыхал помедленнее...

В висках жарко стучала кровь. Мазура легонько трясло – он чувствовал, что вновь вернулось шалое желание убивать просто так, из первобытной мести...

– Можно взглянуть? – тихо спросил Фрол.

Мазур придвинул к нему снимок:

– Сейчас, *там*, он именно так и выглядит...

Через плечо заинтересованно смотрел Кацуба.

– Ага, – сказал Фрол. – Что-то такое нюхом ощущалось... Ну да, то-то и... – он спохватился, замолчал.

– Кто это? – спросил Мазур.

– Милейший человек, – сказал Фрол. – Последняя кличка – Апостол, давненько не появлялся, я уж думал, и не свидимся больше никогда.

– В законе? – деловито поинтересовался Кацуба.

– Вот это – нет, – задумчиво сказал Фрол. – Не дотянул Кузема, ох не дотянул. Хотя шлейф за ним тянется достаточный – ходки, немалые дела и прочие атрибуты светской жизни. Года два назад растворился в нетях, ходили слухи, что подался в монастырь, толком никто ничего не знал, говорили даже, что дернул за рубеж, чему лично я решительно не верил – не было у него ни единой ниточки за бугор, языков не знает, особым капиталом не обременен. А он, извольте ли видеть, в егеря подался...

– Чур, этот индеец мой, – сказал Кацуба вроде бы шутливо, но с непреклонностью в голосе.

– Да бога ради, – поморщился Фрол. – Мне туда соваться, как я и говорил, совершенно не с руки. Просто помогло кое-что понять, и смогу я теперь в рукав пару карт припрятать, если доведется вежливо просить кое-кого, чтобы не паскудили наши уголья своими голливудскими забавами... Это наши скучные внутренние дела, вам, майор, совершенно неинтересные.

– Степаныч, – сказал вдруг Кацуба. – Не в обиду, поскучай на крылечке пару минут...

Мазур покладисто встал. Дежуривший в коридорчике плечистый парень предупредительно распахнул перед ним прочную дверь, он вышел на невысокое крыльцо, прошелся по дворику. Поодаль визжали пилы, лязгали станки. Суша осточертела до невозможности, со страшной силой хотелось в море, на глубину, в пронизанную цепочками пузырьков отработанного воздуха соленую невесомость, к неповторимому ощущению *бездны*, простершейся вниз под твоим лишенным веса телом...

Кацуба появился и в самом деле через пару минут, выглядел он весьма довольным, по-прежнему напоминал кота – но удачно украсившего добрый шмат ветчины и безнаказанно стрескавшего его в укромном уголке. Он даже шурился совершенно по-кошачьи и громко насвистывал что-то бодрое. С ходу направился в цех, сделав рукой размашистый жест Мазуру, чтобы следовал за ним. Молчаливый страж все еще торчал на входе. Кацуба мимоходом похлопал его по боку, бросив наставительно:

– Повышайте качество продукции, юноша, а то, по слухам, югославские гарнитуры на подходе.

Тот озадаченно покосился, непроизвольно шарахнувшись, – очень похоже, Кацуба якобы небрежно хлопнул его прямо по подмышечной кобуре, но смолчал. В машине майор откинулся на спинку сиденья, какое-то время задумчиво созерцал громоздившиеся вблизи штабеля досок, потом, не оборачиваясь к Мазуру, сообщил:

– Как выражался Дюма, интрига затягивается... Или завязывается? В общем, один черт...

Мазур дисциплинированно молчал – не та ситуация, чтобы лезть с вопросами, ясно, что погулять его отправляли не зря. Спросил только:

– А верить этому твоему «черному папе» можно?

– Определенно, – откликнулся Кацуба. – Потому что врать ему нет никакого смысла. В силу разных хитрых факторов ему твоя «Заимка» – как бельмо на глазу. Выгоды никакой, а беспокойство и головная боль налицо. Не настолько еще мы пали, чтобы с нами, многогрешными, не считались... Что ты на меня так смотришь? Не к настоящему же губернатору идти? Природа, друг мой, не терпит пустот, вот и все. Если власть выпускает из рук ниточки, они в пустоте долго болтаться не будут – быстренько кто-нибудь подхватит и намотает на пальчики, вот тебе и вся нынешняя политграмота в кратком изложении. А чистоплюйничать мы как-то не привыкли, да и вы тоже – можно подумать, тебе в Эль-Бахлаке местная компартия помогала склады подрывать...

...Остановившись на лестнице между этажами, Кацуба извлек из кармана пластиковую бутылку с «Белым орлом», зажав большим пальцем горлышко, попрыскал себе на рубашку, плеснул на Мазура. Потом подумал, махнул рукой:

– Не все ж добро переводить... – Сделал приличный глоток. – Будешь?

– Да ну, в подъезде, без закуси...

– Эстет ты у нас, я сразу просек... Ладно, пошли.

Он поднялся на третий этаж и решительно позвонил в дверь. Довольно быстро зашлепали шаги, изнутри спросили:

– Кто?

– Участковый, – моментально рывкнул Кацуба. – Ваша «тойота», гражданин Нефедов, в неположенном месте торчит?

Щелкнул замок, дверь стала медленно приоткрываться. Кацуба вмиг двинул по ней плечом, отшвырнув хозяина в глубь прихожей, рванул следом, как бульдозер. Мазур вошел за ним, старательно притворил дверь и защелкнул замок.

Хозяин, кое-как обмотанный большим махровым полотенцем, удержался на ногах и сейчас хватал с полочки под зеркалом черный револьвер. Кацуба преспокойно дал ему время не только схватить, но и почти поднять руку – потом выбил пушку, небрежно даже, словно отгонял муху или работал с манекеном в тренировочном зале. Подхватил на лету, нажал кнопку, выщелкнул барабан:

– Ты смотри, резинкой хотел в нас пальнуть, сучонок... – Вмиг ухватив хозяина за ушибленную руку, развернул и головой вперед швырнул в комнату. Полотенце слетело, и хозяин приземлился на полу совершенно голым. Кацуба вразвалочку вошел следом, громко комментируя: – Значит, мы тут имеем МЕ-38-компакт с безоговорочно запрещенными резиновыми пулями... Если в лоб, будет больно, если я тебе сейчас шамальну по яйцам, выйдет и вовсе похабно...

Квартирка оказалась однокомнатная. На широкой тахте обнаружилось довольно юное создание противоположного пола, с испугу укрывшееся простыней до носа. Хозяин лежал в углу в нелепой позе – совсем еще сопляк с гладенькой глуповатой физиономией. Безжалостно хрустя подошвами по разбросанным кассетам, Кацуба прошел на середину, пинком поддел черный шнур и вырвал его из розетки. Стоявший на полу магнитофон замолчал.

– Ногой по чавке хочешь? – поинтересовался майор у лежавшего.

Тот молчал, но по его лицу читалось, что предложение не вызвало у него ни малейшего энтузиазма.

– Ну тогда вставай, выкидыш, – сказал Кацуба. – Трусы натяни, что ли, вон валяются, – а то как бы у меня педерастические склонности не заиграли... Встать! – рывкнул он так, что девица спряталась под простыню с головой. Повернулся к Мазуру. – Вова, залетай, сейчас разборочку учиним по всем правилам, с кровью на стенах и яйцами на люстре... – вытащил бутылку и глотнул из горлышка.

Хозяин, опасливо косясь на них и обходя стороной, натянул трусы, потянулся было к рубашке.

– Отставить! – рывкнул Кацуба. – И так сойдет... Ты, фемина, ну-ка быстренько вылезла, прошлепала на кухню и живенько мне приперла чего закусить... – Он огляделся, поднял со стула синее платишко и швырнул ей. – На, задрапируйся – и в темпе, фемина, в темпе!

Она кинулась на кухню, натягивая платье на ходу. Кацуба успел звучно шлепнуть ее по попке, нехорошо оглядел хозяина и сообщил:

– Ну, щас я тебя, Витек, буду мочить, как мамонта...

Хозяин наконец-то смог выговорить:

– Нет, мужик, ну ты хоть объясни...

– Объяснить тебе? – зловеще протянул Кацуба и захохотал, словно привидение. – Щас я те объясню, журналист хренов, я тебе так объясню, что в Склифосовского не соберут... – Вытащил из кармана безжалостно смятый номер «Шантарского скандалиста», расправил и замахал под носом собеседника: – Твоя газетка, сучий потрох? Да ты мне целку не строй, тебя типография с потрохами заложила, они ж там все живые люди, никому неохота, чтоб ими окно прошибали – окно-то на третьем этаже было... Ты эту газетку тискаешь, говорю? Отвечать без промедления!

– Ну, моя...

– Ага! – еще более оживился Кацуба. – Вот я те щас корректуру и устрою, как в лучших домах...

Вернулась девчонка, издали на вытянутых руках протянула тарелку с яблоками и наваленными грудой конфетами.

– Конфетами – водку? – печально спросил Кацуба, но все же сгреб с тарелки яблоко, глотнул водочки и откусил от яблока изрядный кус. – Теперь ставь сюда и волокы аршины в темпе, вон Вова с утра неопохмеленный и потому зверь почище меня...

– Что волочь? – робко переспросила она.

– Стаканы, чадо! – страдальчески поморщился Кацуба. – Нет, ну что мы за молодежь растам, если она русского языка не знает... Садись, Витек, в ногах правды нету... От-так. Только смотри у меня, не дергайся, а то рассвирепею напрочь...

Принял у девчонки пару рюмок, плеснул в одну для Мазура, сунул ему в руку, распорядился:

– Теперь прыгай в постельку, фемина, и сиди там тихонечко, словно тебя и вовсе нету... Вова, у тебя налито, шарашь под яблочко, а Витьку мы не нальем, перебьется... – Опрокинул свою рюмку, успешно притворяясь вовсе уж пьяным. Чуть пошатнулся, оглядел хозяина с ног до головы и с блатным надрывом возопил: – Ты за что ж меня опозорил на весь белый свет, сука драная?

– Да объясни ты толком! – воззвал Витек. – Газета-то толстая, там много всего...

Перелистав страницы – и порвав при этом парочку, Кацуба сложил газету пополам, так, что с обеих сторон оказалась пресловутая статья, взмахнул ею под носом у незадачливого главного редактора:

– Твоя работа?

– Ну...

– Ага, – сказал Кацуба, прямо-таки лучась счастьем и радостью. – Ты писал, значит?

– Ну, вообще-то... Не то чтобы... А в общем...

– Так ты?

– Я...

– Яйца вырву, – ласково сказал Кацуба. – Выкину из окна – и полетишь ты у меня, как фанера над Парижем. Ты что это тут написал про зама по хозяйству, который генералам ловит сосок прямо на улице, в машину затаскивает, в бане по печенкам стучит, чтобы ложились под гостей без лишнего писка? – И вновь подпустил блатного надрыва: – Курва ты долбаная, я ж и есть зам по хозяйству последние семь лет и никакого другого зама там сроду не бывало! Тебе бумагу предъявить? – Он выхватил офицерское удостоверение личности, раскрыл, сунул парню под нос. – А ну, выползок, декламируй вслух! А то пну!

Тот торопливо забубнил:

– Майор Щербак Василий Васильевич, заместитель командира по хозяйственной части в/ч 35773...

– Ну, понял? – торжествующе возгласил Кацуба. – Я и есть зам по хозяйству. И в жизни я телок по улицам не ловил, как ты тут накропал, а уж тем более в бане их не нежил. Да если моя баба эту херню прочтает, она об меня все тарелки перебьет, а потом кастрюлями башку отполирует... Ты вот у Вовки спроси, он мою бабу знает, сто лет вместе служим – не баба, а чистая зондеркоманда. Если ей твоя говенная газетка в лапы попадет, мне и на Северном полюсе покоя не будет, хоть домой не возвращайся... Вовка, скажи!

– Это точно, – сказал Мазур. – Кранты Ваське придут...

Он добросовестно играл свою роль – с грозным видом топтался посреди комнаты, в самых патетических моментах майорских монологов поливая съездившегося в кресле газетера зверскими взглядами, недвусмысленно помахивая кулаком. На газетера жалко было смотреть.

– Да откуда ты на мою голову взялся, сука типографская? – воззвал Кацуба к потолку, долженствующему изображать небеса. – Жили-жили, не тужили – и нате вам, пироги с котятами! Мне чихать, что ты там накропал про подводные лодки и атомные бомбы, пусть с тобой за это наши особисты разбираются – а они тебя, гада, вскорости возьмут за кислород! – но за то, что ты про меня вагон херни нагородил, я тебя сейчас понесу на пинках по всем углам, и ни хера мне за это не будет, все равно за тобой, того и гляди, особисты явятся, попинают еще почище!

– Вы не особенно-то... – подала голос девчонка.

Кацуба развернулся к ней:

– А ты сиди и не вякай! Ты кто такая?

– Невеста, между прочим! – отрезала она задиристо. – Скоро заявление подадим, вот!

Она даже привстала с задорным видом, явно намереваясь защищать кавалера от любых посягательств. Созерцавший ее Мазур уже примерно догадывался, кто будет главой семьи, если дойдет до законного брака, – парнишечка выглядел сущей тряпкой, и совсем не подходил на роль крутого репортера а-ля Невзоров. А это уже странно и заставляет задуматься...

– Да какое заявление? – заржал Кацуба. – Я ж ему вскорости женилку оторву, и будет он тебе без всякой надобности!

– Жди, разорался! – огрызнулась девчонка. – Разобью сейчас окно, заору на всю улицу...

Видимо, как только она поняла, что нападавшие к уголовному миру определенно не относятся, твердо решила сражаться за двоих.

– Я тебе заору! – пообещал Кацуба. – Сиди смирно!

– А ты мне не указывай! Крутые нашлись!

– Нет, лялька, ты сама подумай, – с надрывом пожаловался Кацуба. – Он же меня подставил, твой хахаль, как в жизни не подставляли! Говорю тебе, сроду мы никаких девок силком в баню не таскали! На кой хрен оно нам надо, если шлюх и так немеряно, только свистни? – И сыграл мгновенную смену настроения, у пьяных в дым весьма частую: – Не, я ему щас всю жопу распинаю, а Вовка тебя подержит, чтобы не дрыгалась. Так я тебя к окну и подпустил...

– Ох, Витька, говорила я тебе, что вляпаешься... – вздохнула она с таким видом, словно была лет на десять старше.

– А куда деваться? – машинально огрызнулся он, но умолк, побледнев.

– Ах ты, падла! – рявкнул Кацуба и кинулся к нему. – Деваться ему некуда? Щас ты у меня головой в унитаз денешься!

– Э! Э! Э! – заорал Мазур, обхватив его поперек туловища и оттаскивая подальше. – Вася, не заводись, что-то я тут чую за всем этим хитрожопое...

Кацуба с превеликой неохотой дал себя оттащить и малость успокоить. Закинул голову, присосавшись к бутылке – но на сей раз, Мазур заметил, только делал вид, будто хлебает. Роли определились, и Мазур, честно отыгрывая свою, сообщил:

– Витек, ты его не заводи, он в Афгане контуженный и битый по горячим точкам, в любой психушке с распростертыми объятиями примут, так что ментами не пугай, отмажется... Ты мне скажи честно: ну на кой хрен ты про него такую херню написал? Точно тебе говорю, херня полнейшая. Ты, если можешь оправдаться, язык на запоре не держи, я его долго не удержу...

– Удавлю! – взвыл Кацуба, не трогаясь, однако, с места.

– Говорила я тебе, влипнешь! – укорила жениха юная невеста.

– Лизка! – прямо-таки взревел тот.

– Молчать! – рявкнул Кацуба. Покачался посреди комнаты, круто свернул к постели и плюхнулся рядом с отшатнувшейся невестой Лизой. – Лиза, говоришь? Лиза-Лиза-Лиза-

вета, я люблю тебя за это, и за это, и за то, что ты пропила пальто... Лиз-за, ты со мной не играй, а то озверею... Во что этот придурок влип, говоришь? Ну-ка, колись, а то будет тут варфоломеевская ночь... Если он тут ни при чем, ты мне покажи, кто при чем, чтоб я ему яйца и выдернул...

Газетер дернулся – но Мазур, заслонив его спиной, показал вынутый из-под куртки пистолет. Потом демонстративно пистолет уронил, так, чтобы девчонка видела, не спеша подобрал.

– Вовик! – радостно заорал Кацуба. – Я, бля, и забыл, что пушку брал! – Выдернул пистоль из кобуры, неуклюже помахал им возле свеженькой Лизиней мордашки. – На дуэль вызывать не буду – влет подстрелю!

Вот теперь лица у молодой парочки стали одинаково бледными. Черные пистолеты выглядели убедительно, а разобиженные господа офицеры выглядели достаточно пьяными, чтобы не думать о последствиях...

Перехватив умоляющий Лизин взгляд, Мазур отобрал у Кацубы пистолет:

– Вася, Вася! Ты ж так в нее шмальнешь, а она ни при чем, чуешь? Лизавета, ты уж не темни, душевно тебя прошу, нашкодили – извольте выкручиваться... Я Ваську знаю...

– Они его завербовали! – выпалила Лиза с отчаянным лицом человека, прыгающего в одежде в холодную воду. – Вот и ходит теперь на поводке, как пудель!

Витек скорчился, зажимая ладонями виски, простонал:

– Ну, дура...

– Зря ты так, – сказал Мазур. – Она умная. Она тебя, дурака, от Васькиной пули спасает... Кто вербанул-то, Лиза? Ты тихонько, никто и не услышит... – и наклонился, подставив ухо.

«Ах, вот оно что, – подумал он, услышав произнесенную шепотом аббревиатуру – несколько честных советских букв. – Соседушки дорогие, конкуренты, мать вашу. То-то *конторой* за версту пахло... Все сходится, господа офицеры! Вот только – *зачем?*»

– Так, – сказал он. – Вася, захлопни пасть и посиди смирненько, тут обмозговать треба... Водки хочешь, Лиза?

– А давайте! Только вы его придержите...

Мазур, чувствуя, что смотрится в ее глазах не столь уж и скверно, галантно поднес рюмку вкупе с яблоком. Она лихо осушила, скупно куснула яблоко и заторопилась:

– Они его, дурака, вербанули на валюту. Все крутят дела с валютой, у всех проскакивает – а Витьку подловили по невезению, при всех уликах и свидетелях, и взялись раскручивать... Знаете, как они его пугали!

– Так ты еще и стукач? – рявкнул Кацуба.

В глазах у него явственно мелькнуло неприкрытое страдание – это ему следовало вести допрос, но опрометчиво выбранная роль пьяного скандалиста выйти из образа не позволяла...

– Тихо, Вась! – сказал Мазур. – Тут пошло заграничное кино, сам видишь... Витек, она нам мультку не гонит?

Витек, с лицом самоубийцы, старательно замотал головой.

– Так-так-так... – протянул Мазур, изобразив голосом некую долю сочувствия. – Значит, они тебя и подвизали газетку издавать? И статейку эту идиотскую они подсунули? Кино, бля... Что ж с тобой теперь делать-то? Не убивать же, в самом деле...

– Хоть попинать! – предложил Кацуба. – Нет, пусть он, выродок, точно опишет, кто его мотал, может, киска звездит, как нанятая, лапшу мне вешает...

– Да? – обиделась Лиза. Вскочила, распахнула секретер, бросила Мазуру на колени кипу листов, густо покрытых машинописными строчками. – Вот он с чего и переписывал!

– Р-разберемся, – промычал Кацуба, смяв листы и запихнув их в карман. – Ну, раз такие дела – полетели, Вова, комбату срочно жаловаться. Он им устроит клизьму с дохлыми ежиками... – Уже в дверях остановился, погрозил кулаком: – И смотри у меня, писатель! Если что, душу выну!

Мазур загромычал следом за ним по лестнице. Отступление было проведено грамотно и вовремя, ничего не скажешь. Можно было, конечно, потрясти парнишечку насчет внешнего облика и фамилии совратившего его следователя – но нет гарантии, что фамилия настоящая. А если квартира на подслушивании, сюда уже могли выехать «соседи», пора уносить ноги, чтобы не влипнуть в излишние сложности...

На лавочке грустил потрепанный бомжик в клочковатой бороде. Кацуба мимоходом сунул ему в руку наполовину опустошенную бутылку и побежал к машине.

– А ведь не врут деточки, а? – спросил он, выворачивая на Кутеванова.

– Не врут, – кивнул Мазур. – По крайней мере, все это прекрасно ложится в гипотезу... Оперативнички, которые не привыкли защищаться от постороннего вторжения, чересчур уж наглый наезд на базу посредством разболтавшейся печати... Но зачем? Я понимаю, могли купить одного-двух – но против нас целое подразделение действует, ручаться можно...

– А может, купленный высоко сидит, – бросил Кацуба.

– Надо ж теперь к генералу...

– Успеется, – отмахнулся Кацуба не без легкомыслия. – Генерал все равно по делам смотался в штаб округа. Напишу на базе рапорт по всем правилам и хай оно идет, согласно бюрократии...

– А они его тем временем спрячут?

– Пусть прячут. – Кацуба правой рукой похлопал себя по карману. – Все на пленочке, друг мой. Да и не побежит он рассказывать – потолкуют сейчас со своей Лизкой по уму и решат сидеть тихо, как мышки. В Лизочке, помимо сексапильности, характер чувствуется, определенно. Ведь расколола, паршивочка, или, что вероятнее, сам ей в соплях и слезах признался, совета просил, как дальше жить...

...Зеленые створки разъехались в стороны, пропуская машину на базу, но часовой, вместо того, чтобы посторониться, вышагнул наперерез. Кацуба поневоле затормозил. Тут же из караулки вышел незнакомый пехотный капитан и распахнул дверцу со стороны Мазура:

– Выйдите, пожалуйста.

– В чем дело? – Мазур полез наружу, на ходу вытаскивая из кармана пропуск, – вполне возможно, после взрыва меры безопасности, как водится, удесятерили, все мы задним умом крепки. – Вот...

Капитан забрал у него пропуск и, не глядя, сунул в нагрудный карман:

– Мазур Кирилл Степанович?

– Так точно, – ответил Мазур, напрягшись.

– Личное оружие при вас?

– Да.

– Прошу сдать.

– Что-о?

– Сдайте оружие, – сухо приказал капитан, положив руку на кобуру.

Мазур огляделся по сторонам – сзади уже стояли двое, между ним и воротами, чернявый широкоплечий лейтенант и сержант, по возрасту годившийся скорее в капитаны. Они стояли в положении «вольно», оружия в руках не было – однако Мазуру хватило беглого взгляда, чтобы распознать хорошо подготовленных волков...

Он вытащил пистолет и рукояткой вперед протянул капитану. Двое моментально встали по бокам, и за спиной с лязгом захлопнулись ворота. Часовой, украдкой зыркая на происходящее, отошел к темно-зеленому «грибку».

– Пройдемте в штаб, – капитан держался вежливо-отстраненно.
Из машины на них бесстрастно смотрел майор Кацуба.

Глава шестая

А вас, Штирлиц, попрошу остаться...

Скромные труженики специфических профессий еще во времена становления ремесла, в эпохи, не обремененные электроникой и писаными документами, открыли простую житейскую истину: попасть на допрос к своим – не в пример хуже, нежели к противнику. И дело тут не в перечне грядущих неприятностей – порой свои тебе нарежут ремней из шкуры в ситуации, когда чужие ограничились бы парочкой оплеух...

Все дело в нешуточной психологической плюхе. Человек мгновенно изымается из прежних отношений, из прежней системы и переходит в иное качество: окружающие остаются на своем месте, а он словно бы уже *чужой*...

Невесть откуда взявшаяся троица отконвоировала Мазура в штаб, а там, в комнате, куда Мазур прежде как-то не заходил, обнаружился еще один пехотный капитан – согласно форме. Содержание оказалось несколько иное: капитан предъявил документы, из которых явствовало, что он вообще-то в миру – капитан третьего ранга и имеет честь состоять в контрразведке флота. Того самого, к которому был приписан и Мазур всю свою сознательную военную жизнь. Легко догадаться, что неожиданная встреча сослуживцев протекала отнюдь не в теплой и дружественной обстановке. По голове, правда, не били – контрразведчик, исполненный свойственной его ремеслу бюрократической загадочности, вдумчиво проверил документы Мазура, хмуро сличил фотографии с оригиналом, а потом непринужденно упрятал документы в стол.

Дальше все было предельно просто. Внутреннее расследование. Домашний арест. Стопка чистой бумаги в палец толщиной, заботливо врученная авторучка с запасным стержнем. Обосновавшийся в коридоре, под дверью его комнаты, ряженный сержант. Телефон отключен. Жратву, правда, принесли в обед, согласно распорядку, даже одарили блоком сигарет (зато свои, что лежали в комнате, исчезли, определенно на предмет проверки. Вообще Мазур без труда обнаружил, что комнату в его отсутствие весьма профессионально обшарили). Приказ-пожелание контрразведчика, высказанный столь же бюрократически сухо, был недвусмысленным: как можно более подробно и обстоятельно описать все, что Мазур делал с того момента, как отчалил на плоту из Курумана, – и до той минуты, как вышел на перрон шантарского вокзала.

Время не лимитировано – лишь бы подробнее и обстоятельнее... Как водится, на прощание особист использовал на нем часть их всегдашнего арсенала: якобы всезнающие взгляды типа «советую-не-запираться-нам-все-известно», туманные намеки на то, что вскоре придет некто облеченный полномочиями, который Мазуром и «займется всерьез», а также неременное пожелание «подумать как следует». Сточки зрения психиатрии все это именуется «ложная многозначительность» и служит неопровержимым симптомом иных расстройств – но тогда лишь, когда речь идет о гражданах цивилизных. Для особистов же всех времен, стран и народов подобное поведение, наоборот, служит признаком их полнейшего служебного соответствия и ничего тут не поделаешь, аминь...

Эмоции пришлось временно отложить в долгий ящик – что бы Мазур ни чувствовал и какие бы слова про себя ни произносил, он был армейской косточкой, офицером от плоти и крови, а потому не собирался заламывать руки подобно истеричной гимназистке. В конце концов, во времена развитого социализма после каждого возвращения из забугорных странствий отписываться приходилось не менее обильно. Сплошь и рядом индивидуумы, подобные хмурому капитану третьего ранга, таранились на вернувшихся ничуть не дружелюбнее, словно априорно подозревали в измене, лжи и вероломстве и были уверены, что «морские

дьяволы» по своей собственной инициативе проникали за рубеж, проползши на брюхе мимо погранцов, а *чужих* профессионалов резали ножиками опять-таки по извращенной страсти к садизму. Скромные труженики специфических профессий смолоду осознают, что их жизнь будет четко делиться на две половины – работа и отписыванье... И не стоит сваливать все на систему – по достоверной информации, на той стороне то же самое, не зря же еще полсотни лет назад там родился милейший эвфемизм «поездка в Канаду»⁶...

Словом, у него был большой опыт отписываться – укладывать самые невероятные и драматические события в косноязычные канцелярские абзацы, от которых человеку непосвященному (и посвященному, впрочем, тоже) неудержимо хочется блевать. И то, что речь на сей раз шла о нем и о жене, ничего, если подумать, не меняло: бывает, смерть лучших друзей приходится описывать корявыми оборотами, способными повергнуть нормального человека в брезгливый ужас...

Однако все это еще не означает, что дело идет легко. В особенности когда приходится подробно формулировать, почему ты посчитал целесообразным убить одну женщину, чтобы спасти другую. Или описывать, как жена собственным телом выкупала вашу свободу у трех подонков. Или объяснять, как ты решился подмогнуть одному гангстеру ограбить другого. Сразу по возвращении ему уже пришлось составлять подробный отчет, но это не меняет дела – от механического повторения на душе ничуть не легче, наоборот...

И все же он был профессионалом и потому старался, как мог. Засиделся до темноты, переносил каждую фразу на бумагу не раньше, чем обкатавши ее в уме до полной и законченной казенщины. С темнотой под окном (его комната была на первом этаже одной из серопанельных трехэтажек) обосновался часовой, расхаживавший с идиотским упрямством автомата. Обычный часовой, при автомате. Мазур мельком оскорбился – и перестал об этом думать, с головой уйдя в писанину.

Потом девчонка-сержант из офицерской столовой принесла ужин. Как и в прошлый раз, караульный пропустил ее беспрепятственно, даже не попытавшись проверить прикрытые крышками судки на предмет веревочных лестниц и напильников – вообще-то ребята-«контрики» должны прекрасно понимать, что оружием «морскому дьяволу» (а равно и средством самоубийства) может послужить практически любой бытовой предмет, начиная от авторучки и кончая электролампочкой, так что, если смотреть с этой точки зрения, у Мазура в комнате и так целый арсенал, равно пригодный и для харакири, и для ближнего боя...

Прикрыв чистым листком стопку исписанных, Мазур хмуро ждал, когда она расставит судки и уйдет. Девица что-то медлила, украдкой поглядывая на него не без почтительного ужаса – вряд ли на базе часто случались такие представления... Мазур не выдержал, поднял голову и уставился на нее вовсе уж неприязненно – и обнаружил, что она, должно быть, уже давненько, делает отчаянные гримасы, пытаясь даже шевелить носом, указывая на один из судков, с умыслом поставленный на особицу.

Мазур поднял алюминиевую крышку. Меж котлетой и стенкой судка обнаружилась туго свернутая в трубочку бумажка. Он кивнул, девица-сержант с облегченным вздохом привела мордашку в нормальный вид и покинула комнату.

Когда дверь затворилась, Мазур развернул нежданный «грипс». Две строчки машинописи в один интервал: «О всех наших делах и базарах – полное молчание. Тогда вытащим. Будешь болтать – поможем утопить. Вася Щербак».

Мазур задумчиво сжег бумажку в пепельнице. Вася Щербак – это, естественно, Кацуба, тут и гадать нечего. Хуже нет – замешаться в веселые межведомственные интриги, а с ним

⁶ В годы Второй мировой войны на жаргоне американских спецслужб «поездкой в Канаду» именовалась ликвидация агентов противника (или двойников в собственных рядах).

это, похоже, как раз и произошло. Вот и думай теперь: то ли поступать, как советуют, то ли нет...

К полуночи он покончил с писаниной. Бегло пролистал записи, чуя нараставшее беспокойство, и, отложив последний листок, уже мог с уверенностью сказать, что его тревожит.

Все это – исключительно словеса. Доказать, что он написал чистую правду, что он действительно все это пережил, решительно невозможно. Ольга на кладбище, Прохор мертв. Крест растворился на российских просторах, домик паромщика сгорел, лесные пожарники неизвестно где, полковник Бортко может заявить, что он о них в жизни не слышал, не говоря уж о том, чтобы приглашать на опознание. Обитатели «Займки», честно глядя в глаза, могут до скончания века заверять, что видят Мазура впервые и все его рассказы – следствие неумеренного потребления неразведенного спирта...

Зачем глаголевские орлы спалили домик паромщика? И что стоит за посланием Кацубы?

Так и не найдя ответов, Мазур приоткрыл дверь, отдал бумаги бдительно вскочившему со стула сержанту. Тот зачем-то взвесил пачку в руке, как ни в чем не бывало кивнул:

– Можете спать. Если понадобится, завтра вам сообщат.

Глупо было бы задираться с ним или задавать вопросы. Мазур вернулся в комнату, разделся и лег. Под окном тихо бродил часовой. При мазуровской выучке ничего не стоило бы обрушиться ему на голову вместе с выбитой ради экономии времени и пущей неожиданности оконной рамой – вот только зачем?

Несмотря на вполне понятную тревогу и некоторый нервный раздрай, он понемногу погружался в сон – в старинной военной мудрости «солдат спит, а служба идет» гораздо больше сермяжной истины, чем может показаться некоторым штатским...

...Вопреки расхожим штампам, кошмары его не мучили. Сны были самые обычные. И проснулся в половине восьмого, как обычно. В восемь появилась сержантесса с завтраком, но на сей раз никаких знаков в стиле Марселя Марсо не подавала. Часовой все еще торчал под окном. Вполне возможно, это был уже другой, не вчерашний. Обитатели базы, народ к загадочным сложностям военной жизни насквозь привычный, старательно обходили стороной дорожку, по которой он прохаживался, притворяясь, будто ничего не видят и никакого автоматчика там вовсе нет, – хотя в том месте, где охранять на первый взгляд совершенно нечего, часовой выглядел столь же нелепо, как коммерческий киоск на взлетно-посадочной полосе аэродрома...

Его не беспокоили до самого обеда. С доставкой такового вновь начались мимические сюрпризы: сержантесса, указав взглядом на судки, сделала тремя пальцами жест, словно загоняла себе что-то в вену невидимым шприцем. Мазур понял – и к еде не прикоснулся. Особисты любят такие штучки: запросто подмешают нечто, в общем, легонькое, но надежно парализующее волю и способное вызвать на нешуточную откровенность...

В час дня за ним пришли. Без кандалов и примкнутых штыков, правда. Давешний капитан без стука распахнул дверь и с самым безразличным выражением лица пригласил:

– Пройдемте. Вас ждут.

Ждали его в кабинете без таблички на двери, явно принадлежавшем местному особисту: на обоих окнах – выкрашенная в белый цвет затейливая решетка, в углу – солидный сейф, да и телефонов для скромного кабинета что-то многовато. Все уже было готово для теплой и душевной беседы: в красном углу восседал человек, которого Мазур впервые в жизни видел в штатском, – контр-адмирал Самарин, фигура номер два в контрразведке флота. Капитан третьего ранга по фамилии Крайко скромненько сидел сбоку, а в углу за хлипким журнальным столиком примостился сутулый тип в затемненных очках – несо-

мненно, сто раз проверенный стенографист. Магнитофона Мазур нигде не увидел, но это, понятно, не означало, что его не было.

Настроение, честно признаться, было аховое. Среди своих адмирал Самарин давно уже получил вполне заслуженную кличку Лаврик – как легко догадаться, данную по ассоциации с известным в истории носителем пенсне. Злые языки шептали, что Самарин, будучи слегка близорук, вместо очков носил пенсне как раз потому, что давно прослышал про кличку, и она его самолюбию весьма польстила. Пенсне, правда, напоминало скорее чеховское, но потаенное общественное мнение пришло к выводу, что это проделано для отвода глаз, дабы избежать чересчур уж явных ассоциаций. Если отвлечься от фольклора и естественной неприязни строевиков к особистам, следует признать, что Лаврик был неплохим профессионалом, но это лишь усугубляло ситуацию, поскольку крутой профессионал сплошь и рядом может поломать кому-то жизнь и карьеру не в пример искуснее и эффективнее, нежели тупой службист. Каковое умение Лаврик не единожды и показывал. Будь ты хоть светочем гуманизма и рыцарем без страха и упрека, но коли служить тебе выпало в особистах, очень быстро поймешь, что твоя карьера зависит от того, скольких шпионов ты усердно изловил и скольких потенциальных «слабых звеньев» успешно профилактировал... Это вовсе не означает, будто Самарин лепил дутые дела, – но всему флоту известно, что Лаврику лучше не попадаться, если у тебя за душой отыщутся мелкие грешки...

Мазур сел и выжидательно замолчал. От предложенной адмиралом, согласно извечной традиции, сигареты отказался, вытащив свои, – черт его знает, что там могло быть подмешано в Лавриковы сигареты, тем более что сам-то он сигаретку вытащил не из предложенной Мазуру пачки, а из знаменитого серебряного портсигара дореволюционной работы, с золотыми накладками в виде охотничьих собак, подковок и загадочных монограмм...

Мягко шумел кондиционер. Стенографист навис над столиком с видом оголодавшего стервятника.

Держа сигарету, по своему обыкновению, меж большим и средним пальцами, адмирал разглядывал Мазура с хорошо рассчитанным сладострастием сексуального маньяка из импортных ужасиков, прекрасно понимающего, что загнанной в угол растрепанной блондиночке бежать уже некуда. Пенсне придавало ему весьма интеллигентный вид, так и казалось, что сейчас изречет что-нибудь вроде: «А печень у вас, батенька, пошаливает определенно...»

– Капитан, вы ведь профессионал? – спросил Самарин вдруг.

– Пожалуй, – осторожно сказал Мазур.

– Ну, не приbedняйтесь... Скажите мне по совести: если бы вам, окажись вы на моем месте, кто-нибудь изложил столь занимательную историю, какую вы тут так ярко изобразили, – он с легкой брезгливостью коснулся стопочки исписанных листков, в которой Мазур издали опознал свой рапорт, – что пришло бы вам в голову прежде всего?

– Но ведь не все занимательные истории – чистая выдумка? – спросил Мазур, стараясь не заводить с первых реплик. – Помните операцию «Туман»? Очень многие со спокойной совестью ее бы зачислили по ведомству самой необузданной беллетристики...

– Логично, – согласился адмирал что-то уж подозрительно мягко. – И «Туман», и «Всплеск», да мало ли примеров... Только позвольте вам напомнить, что, в отличие от ваших увлекательных приключений, «Туман» был с самого начала подкреплен конкретными доказательствами. Другое дело, что не всем они казались убедительными – да ведь были доказательства, а?

– Были, – вынужден был кивнуть Мазур.

– Вот видите? А меж тем у вас – одни словеса. Свидетели, которые могли бы подтвердить ключевые моменты, точнее, те, кого вы среди таковых свидетелей перечислили, либо мертвы, либо рисуют картину, полностью отличную от вашей. Разумеется, их можно запо-

дозреть в злонамеренном искажении истины, но вот в чем загвоздка: самые разные люди, коих трудно заподозрить в сговоре, дают показания, решительно расходящиеся с вашими... Все напоминает известную присказку о роте, идущей не в ногу. Вашу «Заимку» проверили с участием госбезопасности – и не нашли никаких улик...

– А вы что же, думали, там на видном месте вывешены некие правила охоты? – вздернул голову Мазур.

– Ну что вы, вовсе не думал... Но как прикажете поступать, когда нет и косвенных доказательств? Домик паромщика сгорел. Местонахождение лесных пожарных, да и саму их личность, установить не удалось. Экологический заповедник и в самом деле располагает вертолетом, приданным группе военизированной охраны, но ни один из членов группы не напоминает описанных вами людей. Извольте убедиться? – Он выложил перед Мазуром веер цветных фотографий. – Может быть, найдете кого-то знакомого?

Минуты через две Мазур отложил фотографии, мотнул головой:

– Абсолютно незнакомые физиономии.

– На «Заимке», кстати, тоже не оказалось описанных вами людей...

– Не удивительно.

– Заговор? – прищурился адмирал.

– Нужно же быть идиотом, чтобы не предвидеть проверки – после того, как мне удалось вырваться.

– Возможно... – адмирал играл портсигаром. – Продолжим? По милицеским данным, ни одного своего сотрудника они не отправляли в засаду на дороге. У пижманской милиции нет данных о трупах, оказавшихся в приблизительно указанном вами месте. Никто никаких трупов в тех местах не находил.

– Я же забрал у одного удостоверение, оно приобщено к моему рапорту...

– Есть такое удостоверение, поддельное, кстати. Не хватает мелочи: доказательств, что вы его действительно забрали у человека, убитого вами. Нет, кстати, доказательств, что вы и в самом деле убили кого-то... Что, вас это не утешает? Вовсе даже наоборот? – Он усмехнулся. – Интересные дела, впервые вижу человека, удрученного тем, что нет доказательств совершенного им убийства... Пойдем далее. Шишигин Павел Матвеевич, рулевой-моторист суденышка под наименованием «Таймень», вас со всей уверенностью не опознал. Хозяйка описанного вами дома помнит лишь «мужчину с милицескими корочками» и «какую-то женщину». Других свидетелей, по-моему, в вашем списке нет?

– Интересно, а убийства двух прапорщиков тоже не было?

– Имело место, имело, – легко согласился адмирал. – Я и не говорю, будто в названных вами населенных пунктах *вообще* ничего не происходило. Были убиты паромщик с женой. Были убиты два прапорщика из охраны колонии. Были убиты в Пижмане инспектор уголовного розыска Сомов, капитан роты ГАИ Зыкин, заместитель начальника горотдела майор Завражнов, а также четверо граждан, если можно так выразиться, с обратным знаком – имевших прямое отношение к организованной преступности, а с ними местная проститутка, список прилагается... – он щелкнул пальцем по одной из лежавших перед ним бумажек. – Только опять-таки нет никаких доказательств вашей причастности к череде сих гробовых забав. Это может выгодно свидетельствовать о вашем профессионализме, а может и служить доказательством вашего вранья... Честно признаться, я склоняюсь ко второму варианту. Вы, легко понять, предпочитаете первый. Что ж, каждому свое...

– А как насчет сомнения, толкующегося в пользу обвиняемого? – рискнул Мазур сделать намек на атакующее движение, легонький выпад.

– Мы не в трибунале, – отрезал Лаврик. – Процедура внутреннего расследования вам известна. – Он наклонился вперед: – А еще тебе, несомненно, известно, что своими ножками

ты до трибунала можешь и не дойти – непеченная буханка хлеба на голову упадет из окна столовой или поганка в гарнире к котлетам замешается... Известно это тебе?!

Он не притворялся – глаза за чистейшими стеклами чеховского пенсне горели лютой злобой, до поры скрывавшейся. Мазур поневоле передернуло. Даже делая все возможные поправки на должность Лаврика, его личность и характер, никак нельзя было ждать столь хамского обращения.

И только теперь Мазур сообразил, что за неприметная деталь его подсознательно беспокоила – перед Крайко, под листом машинописи, лежал пистолет. Когда Лаврик клал на стол фотографии, одна задела уголок лист, тот чуть сдвинулся, и очертания пистолета четко обозначились... Это уже не просто хреново – архихреново, как выразился бы Владимир Ильич.

– Я бы попросил... – сказал Мазур разведки ради.

– Пистолета с одним патроном ты у меня, проблядь, все равно не допросишься, – отрезал Лаврик. – Не старые времена.

Наступил тот кристально просветленный миг, когда человек прекрасно понимает, что хуже ему все равно не будет, а потому лучше умереть стоя, чем жить на коленях...

– Извольте объясниться, – сказал Мазур звенящим от ярости голосом. – Пока пенсне целое.

Как ни странно, Лаврик остался спокоен. С улыбочкой открыл портсигар, постучал по крышке сигареткой, выдерживая классическую эффектную паузу:

– Будем объясняться? Или еще повозмущаетесь? Вы, мол, ножиком вражьих супостатов резали, пока я на безопасном берегу штаны просиживал? В таком ключе?

– А почему бы и нет? – сказал Мазур.

– Сигаретку в рот суньте табачком, вы ж ее фильтром пихаете...

Видимо, Мазур сделал излишне резкое движение – лист бумаги мгновенно отлетел в сторону, и в руках у Крайко оказался пистолет со взведенным курком.

– Бросьте ковбойщину, – поморщился адмирал. – Он же профессионал, прекрасно понимает, что деваться некуда...

– А может, ему в голову лезут всякие глупости насчет заложников и торга, – бросил Крайко, опустив, впрочем, пистолет.

– Ну что ему это даст? Нереально... – Лаврик поправил пенсне и нехорошо улыбнулся: – Хорошо, начнем разбор полетов. И начнем мы его с клеветнических измышлений растленной буржуазной прессы, процветающей в мире гнивающего капитала благодаря паразитированию на нездоровых сенсациях, большей частью вымышленных... Вы, насколько я помню, на данном языке читаете? Газетка довольно свежая, позавчерашняя, не угодно ли?

Мазур взял у него газетную вырезку под броским красным заголовком: «Русская акула по-прежнему голодна!» Он и в самом деле владел этим языком настолько, чтобы читать свободно, – но лучше бы не владел...

С первых строчек становилось ясно, что все рухнуло – и не только его гипотетические адмиральские погоны, речь шла о вещах посерьезнее... Рухнула сама операция «Меч-рыба», засекреченная и отработанная с учетом всех возможных мелочей, – кроме подобного сюрприза, о котором речь и не шла. В статье подробно и смачно повествовалось, как доблестной контрразведкой заинтересованной державы был вовремя вскрыт злодейский замысел русских, коварно намеревавшихся выбросить в район испытаний группу боевых пловцов с хитрой аппаратурой. Естественно, те, кто готовил испытания сверхсовременного подводного аппарата, намерены теперь перенести их в другое место и до предела ужесточить меры безопасности с учетом горького опыта. Подробно перечислялись абсолютно достоверные детали: «океанографическое» судно «Азов», которому предстояло в нейтральных водах, неподалеку от острова Икс выпустить аквалангистов, рыболовный траулер «Зубатка», которому предстояло, имитировав кораблекрушение, отвлечь судно охранения и дать воз-

можность пловцам установить аппаратуру. В довершение всего, там красовались фамилии куратора операции контр-адмирала Триколенко (сиречь Морского Змея) и непосредственного руководителя группы капитана первого ранга Мазура. В качестве иллюстрации был даже приложен предполагаемый маршрут «Азова» – насколько знал Мазур, совпадавший с реально намеченным. Это был провал – звонкий, оглушительный, безоговорочный. Всякому, кто хоть чуточку разбирался в таких вещах, ясно было: вскорости полетят погоны, свистя, словно бумеранги, звездопад начнется такой, словно Земля вновь пересекает очередной метеорный поток... Как водится, граница меж правыми и виноватыми будет чисто условной, пальба пойдет по площадям...

– Впечатления? – вежливо спросил адмирал.

– Паршивые впечатления, – честно признался Мазур.

– Отрадно слышать. Постараюсь сделать вам восприятие окружающей действительности еще более паршивым... Только вот что – я плохо верю, что вы попытаетесь устраивать танцы с саблями, но все же постарайтесь без резких движений, вы же профессионал и должны трезво взвешивать шансы... – он вытянул очередной листок и скучным голосом стал читать: – «Согласно установочным данным, поступившим по линии госбезопасности, в Эрлангене местными контрразведывательными органами задержан по подозрению в шпионаже в пользу иностранного государства подданный данной страны Герхард Скуле, в течение последних трех месяцев имевший регулярные контакты с гражданином России Ярополовым, под прикрытием коммерческой деятельности ведущим активную разведывательную работу. По сообщению источника Петер, через восемь часов после задержания Скуле к начальнику отдела 111-Б обратился представитель Ай-Ди-Эй в стране, установленный нами Реджинальд, заявивший, что Скуле в действительности выполнял для Ай-Ди-Эй функцию почтового ящика, а Ярополов является агентом Ай-Ди-Эй, передающим информацию от источника Фрегат. Данное заявление подтверждается показаниями самого Скуле, данными им во время первого допроса. После соответствующих консультаций руководства двух служб Скуле был выпущен, обвинения сняты. Ориентированные на установление личности Фрегата источники из окружения Реджинальда к конкретным выводам пока что не пришли, однако имевшиеся на данный момент сведения позволяют заключить: Фрегат – кадровый офицер ВМС, в звании предположительно капитана второго или третьего ранга, женатый на женщине значительно моложе себя, в отношении которой в последнее время испытывает определенные подозрения и не исключает ее связи с российскими контрразведывательными органами, в связи с чем нервничает и вновь повторяет просьбу о нелегальной переброске его за рубеж. По непроверенным данным, Фрегат – либо рядовой сотрудник, либо заместитель командира группы, носящей официальное шифронаименование Мурена, предположительное место вербовки – Эль-Бахлак. Дальнейшая разработка проводится форсированными темпами».

– Вот так, сокол мой, – сказал Лаврик. – В вопросы и ответы не поиграем ли? Кто из нас двоих заместитель контр-адмирала Триколенко? Каперанг Мазур вроде бы? У кого единственного в «Мурене» жена была значительно моложе его? Опять-таки у каперанга Мазура. Кто видел из купе, когда следом за ним несли два трупа – супруги и вышеупомянутого гражданина Ярополова? – Он показал Мазуру четкую цветную фотографию субъекта, больше известного тому как Ибрагим-оглы. – Я умолчу о детальках вроде Эль-Бахлака... Да на вас лица нет, милый мой? Водички дать?

Стенографист упоенно работал остро заточенным карандашом. Крайко поглаживал пистолет кончиками пальцев, глядя на Мазура глазами хорошо выдрессированной собаки.

Мазуру нестерпимо хотелось проснуться. Однако вокруг была самая доподлинная реальность, обернувшаяся кошмаром.

– Давайте сопоставим даты? – как ни в чем не бывало продолжал Лаврик. – Инцидент со Скуле произошел – обратите внимание на даты – в те дни, когда вы, если вам верить, романтически странствовали по лесам. Ярополов прилетел из Эрлангена за день до вашей роковой встречи в поезде. Между прочим, «соседи» заверяют, что Ярополов, по их данным, перекачивал сведения за бугор с ведома, благословения и поручения своего босса, хозяина АО «Синильга», несколько дней назад ликвидированного заодно с женой и двумя охранниками – в хорошем стиле, поневоле заставляющем вспомнить о тактике спецназа. И если супругу с охранниками убили прямо на даче, то самого хозяина предварительно отвезли подальше и, прежде чем отправить в мир иной, такое впечатление, душевно с ним беседовали... Интересно получается, Кирилл Степанович? Существуют две версии, ваша и, скажем так, «соседская». Но если ваша ничем не подтверждается, другая, наоборот, твердо подкреплена...

– *Косвенными* данными, – сказал Мазур, чувствуя, как язык становится толстым и шершавым. – *Сплошь косвенными*...

– Возможно, – кивнул Лаврик. – Но вы же не ребенок и много раз сталкивались с ситуациями, когда количество косвенных данных переходит в качество, а? Случалось? Вот видите... Вы, конечно, звучно бия себя в грудь, будете уверять, что вас подставили, на вас отоспались – и тому подобное... Вообще-то вполне приемлемый вариант... не будь кое-каких коварных подробностей. Безоглядно полагаться на информацию от «соседей» никто у нас не собирается – и никогда не собирался. Независимо от них «эрлангенское дело» проверял «Аквариум». И пришел к тем же выводам. По крайней мере, все так и происходило – существует незадачливый Скуле, работавший на американцев под носом у родной контрразведки, как водится, не посвященной в такие сложности, его в самом деле арестовали сгоряча, и давно известный «Аквариуму» Реджинальд его в самом деле вытаскивал. А это означает, что они в то время не намеревались прекращать операцию, рассчитывали и дальше качать информацию от нашего таинственного Фрегата. Местным они о Фрегате, разумеется, ничего не сообщали – лишь в самых общих деталях. Но в окружении Реджинальда и в самом деле циркулирует именно такая информация о Фрегате, более того – «аквариумные» докопались, что Фрегат, помимо всего прочего, всерьез подумывал о ликвидации собственной супруги... – Он ослабил. – Кстати, мой дорогой, – когда безутешный вдовец буквально через пару дней после похорон начинает драть маменьку своей благоверной, пусть даже еще вполне сексапильную, это не в его пользу играет, в особенности если и так собрано о нем масса неприглядного... Согласны кратенько охарактеризовать ситуацию?

– Бред, – сказал Мазур.

– Или – провал. Что-то не сладилося. Произошел какой-то сбой. И нашему Фрегату пришлось импровизировать на ходу, уже в силу обстоятельств не заботясь о минимуме достоверности, – не давала ему жизнь такой возможности... Отсюда все нестыковки, несообразности и фантастика самого дурного пошиба. Так оно с импровизациями всегда и бывает. Я, конечно, не надеюсь на чудо, но, быть может, заслушаем чистосердечное признание? Простите за пошлую фразу, но ведь и в самом деле может повлиять на вашу участь...

– Бред, – повторил Мазур. – Не в чем мне признаваться. Вам не приходит в голову самый простой вариант?

– Что всеми странностями, нагроможденными вокруг вас, некто отвлекает внимание от истинного виновника? И «крот» – кто-то другой? – Лаврик устало улыбнулся. – Вы что, считаете меня приговишкой? Ну естественно, в первую голову мы подумали именно об этом. Стандартный вариант, и не столь уж редкий. Но против такого варианта есть серьезные возражения. Во-первых, я давно уже питаю стойкое доверие к *перекрестной* информации, сиречь полученной из двух независимых источников, каковые в данном случае испытывают, мягко говоря, страсть к некоторой конкуренции. Эрлангенская информация полностью

отвечает этим критериям, не правда ли? Во-вторых... Во-вторых, даже если предположить, что вас хотели подставить, никто не стал бы разыгрывать столь громоздкую операцию, всецело зависящую от множества неожиданностей... Давайте на секунду поверим, что все так и было, как вы живописно преподносите: вы в самом деле столкнулись с некими нехорошими людьми, которые вас долго и увлеченно гоняли по тайге... Интересно, вы отдаете себе отчет в том, что вариант «спятившего купца Калашникова», если разобраться вдумчиво, вовсе не спасает вас от обвинения в шпионаже? Человек такого пошиба, вздумавший ликвидировать опасного свидетеля своих охотничьих забав, вас попросту убрал бы, не обинуясь. Скажем, на похоронах. Или во время ваших разъездов по городу. Это, простите за цинизм, было бы неизмеримо практичнее, нежели затевать сложнейшую операцию по вашей компрометации через границу, – а я не верю, что у рядового, в общем-то, коммерсанта были столь обширные возможности.

– У него там бывали иностранцы, – сказал Мазур. – Черт их знает, кто они такие и сколько весят у себя дома... Такая забава, мне сдается, по плечу только богатеньким, и очень.

– Это все ваши домыслы, – отрезал Лаврик. – Ничем не подкрепленные. Повторяю, вас неизмеримо практичнее было бы попросту убрать, а не затевать грандиозную акцию со втягиванием парочки импортных спецслужб. Чересчур уж быстро, если принять ваш вариант, вас смогли установить... Для коммерсанта, пусть разжиревшего на дурной сверхприбыли, сроки все-таки фантастические. Вы еще бегали по тайге, а в Эрлангене уже полным ходом разворачивалась операция по вашей компрометации? Да мать вашу, каким чудом ваш коммерсант ухитрился прознать про операцию «Меч-рыба»? Что, я вам должен объяснять насчет круга посвященных?

– Вот и поискали бы среди посвященных... – огрызнулся Мазур чисто инстинктивно, тут же почувствовав, что вышло прямо-таки по-детски.

Лаврик поднял брови:

– Ну, капитан... Вам не кажется, что это уже пахнет паранойей? По некоему зловещему совпадению некий «крот» в больших звездах оказался добрым знакомцем хозяина «Заимки», где вы изволили проводить отпуск? И они быстренько договорились уничтожить вашу репутацию? Вы сами-то в такие совпадения верите? Хоть немножечко? – Он поиграл портсигаром. – Лично мне гораздо более соответствующим истине представляется другой вариант. Фрегат – это вы. И работали вы в тесном контакте с обоими покойничками из «Синильги» – Ярополовым и его боссом. Вполне возможно, вы и в самом деле побывали на «Заимке». И что-то у вас там не сложилось, что-то пошло наперекор вашим ожиданиям. Скажем, вы нервничали и рвались за бугор. А там решили, что вы в принципе и не нужны более, что «Меч-рыбу» по каким-то их соображениям гораздо выгоднее провалить с шумом и плясками... И пешки вроде тех двоих больше не нужны. Не такая уж редкость в практике разведки. Тут опять что-то произошло. По чести говоря, я готов допустить еще, что вы запаниковали, ударились в бег, вы как-никак битый волк, рыбка пиранья, и ухлопать вас отнюдь не просто... И начались ковбойские приключения. С этого момента ваши показания истине, очень может быть, более или менее соответствуют... Хоть и далеко не во всем. Как насчет такой гипотезы, дружище Фрегат?

Мазур сидел, сгорбившись, устало смотрел на него. Не было сил шумно протестовать, бить себя в грудь. Он понимал, что идет ко дну, как оброненный за борт колун, но решительно не представлял, что можно сказать или сделать. Не находил лазеек в хитро сплетенной сети обвинения, куда можно просунуть хотя бы голову. Лазеек...

– Постойте, – сказал он. – А нападение на трассе, по дороге в Ермолаево? Это что, мне тоже привиделось? И похищение, и все прочее? Есть три свидетеля, помимо меня...

У него упало сердце, когда адмирал, даже не дослушав, ухмыльнулся с таким видом, словно только и ждал этой реплики:

– А я-то ломаю голову, когда вы сошлетесь на этот триллерочек... Будем его углубленно разрабатывать? Ну давайте... Только потом, чур, не хныкать. Договорились? – он повернулся к Крайко, так и молчавшему все время разговора. – Пригласите коллегу, давненько ждет, сердешный...

Глава седьмая

Пловец из топора хреновый

Несмотря на всю нелепую жуть ситуации, у Мазура легонько ворохнулось в сердце любопытство: что они еще там затеяли, твари? Стоит ли ожидать помощи от Морского Змея, никогда не бросавшего своих? Не может же он всерьез поверить...

Он думал, что Крайко выйдет, но тот снял трубку, набрал короткий внутренний номер и бросил:

– Пригласите.

Через пару минут появился лощеный субъект в штатском, с терпеливо-брезгливой физиономией опытного врача, вынужденного каждодневно лицезреть уродства и сифилитиков. Если что Мазур и ненавидел в жизни сильнее глубинных бомб – то именно такие физиономии.

– Уж извините, что заставили ждать представителя братской конторы, – сказал адмирал, – но сначала требовалось решить чисто военные вопросы...

Лощеный сложной гримасой дал понять, что все прекрасно понимает и ничуть не обижен. Потом глянул вопросительно:

– Простите?

– Полковник Трунов, начальник отдела военной прокуратуры округа, – глядя честнейшими глазами, произнес Лаврик и предъявил гостю удостоверение.

Судя по лицу пришельца, там именно так все и написано. Мазур и не порывался внести ясность, понятно. Если пошарить у Лаврика по карманам, там можно, пожалуй, отыскать и корочки мажордома шведского королевского дворца – если во дворце есть мажордом...

– Капитан Благоволин, старший следователь. – Он тоже в знак доброй воли предъявил орленый краснокожий документ. – Разрешите приступить?

– Приступайте, – благодушно разрешил адмирал.

Капитан уселся напротив Мазура, профессионально посмурнев лицом, выдернул из темно-красной папочки разграфленный типографским способом лист бумаги:

– Должен вас предупредить об ответственности за дачу ложных показаний... – пробубнил он скороговоркой классическую формулу. – Гражданин Мазур Кирилл Степанович?

Мазур хмуро кивнул.

– Прошу отвечать, – сказал капитан.

– Мазур Кирилл Степанович, – сказал Мазур.

– Воинское звание?

– Инженер-капитан первого ранга.

– Место прохождения службы?

– Плавбаза «Камчатка», Балтийский флот, – отчеканил Мазур заученно.

Капитан задал еще несколько формальных вопросов, занес в нужные графы короткие ответы, помолчал с внушительным видом. «Ну давай, му...ак, – мысленно поторопил его Мазур. – Что вы там еще приготовили?»

– Итак, гражданин Мазур... – протянул капитан. – В каких вы находились отношениях с гражданином Нефедовым Виктором Ильичом?

«Хороший вопрос, – подумал Мазур. – Гадай теперь, что отвечать. Может, в квартире у сопляка все же был микрофончик? Или за ней следили и засекли их с Кацубой? Ситуация...»

– Простите, не припоминаю...

– Да? – капитан сунул ему под нос фотографию, где Нефедов В. И. безмятежно смотрел в объектив и о сложностях жизни, похоже, не задумывался. – А может, припомните?

– А, ну да... – медленно начал Мазур. – Это тот, что издает «Шантарского скандалиста»?

– Именно. А с гражданкой Бойченко Елизаветой Григорьевной знакомы?

– Вот это – нет, – искренне сказал Мазур, догадываясь, конечно, что речь идет о Лизочке-с-характером, но не собираясь облегчать капитану работу.

– Да? Посмотрите, может, и ее припомните?

– Ну да, Лиза... – сказал Мазур. – Но ни отчества, ни фамилии я и не знал...

– Значит, знакомы с обоими?

– Смотря что назвать знакомством. Я у него вчера был дома.

– На предмет?

«А, пропади все пропадом», – подумал Мазур и сказал:

– Собственно, не я придумал туда идти...

– А кто?

– Майор Щербак, зам по хозяйности командира данной воинской части, – не без легкой мстительности сказал Мазур.

– Есть такой, – благодушно кивнув, сообщил капитану Лаврик. – И с какой целью вы надумали посетить гражданина Нефедова у него на квартире?

Мазур решил перейти на классический канцелярит:

– В последнем номере «Шантарского скандалиста» была опубликована статья, задевающая честь и достоинство означенного майора Щербака, в связи с чем майор попытался установить источники информации, использованной гражданином Нефедовым в его клеветнической статье...

– Не так быстро, – попросил капитан. – Клеветнической... И что было потом?

– А ничего, – натужно улыбнувшись, сказал Мазур. – Гражданка Бойченко проинформировала нас, что гражданин Нефедов был в свое время завербован тем самым учреждением, к коему вы имеете честь принадлежать, и уверила, что именно вышеназванное учреждение снабдило гражданина Нефедова данным материалом, в приказном порядке обязав опубликовать материал в поименованной ранее газете...

Капитан и бровью не повел – старательно записал все, поставил точку. Спросил:

– С вашей стороны к гражданину Нефедову применялись меры физического воздействия?

– Ни боже мой, – сказал Мазур. – После столь сенсационного признания мы квартиру попросту покинули. Оба мы с майором Щербаком – люди законопослушные и понимаем все тонкости оперативной работы столь серьезного учреждения...

Он заметил, что капитан записал его ответ в виде краткого: «Нет». И заторопился:

– Эй, я это подписывать не буду...

– Почему?

– Искажаете ответы, – сказал Мазур.

– Ничего подобного. Я спросил, применялись ли вами к Нефедову меры физического воздействия, и ваш ответ перевел как «нет». Я был неправ?

– Правы, – сказал Мазур. – Только вы все же мои слова внесите в протокольчик...

– Пожалуйста, – пожал плечами капитан и старательно вывел несколько строчек. – Быть может, с вашей стороны имели место угрозы убийством или причинением телесных повреждений?

– Ничего подобного.

– А относительно гражданки Бойченко?

– Девочку мы вообще не задевали, – сказал Мазур. – Тем более что она как раз и сообщила нам реабилитирующие гражданина Нефедова факты.

– Реабилитирующие?

– Ну конечно, – с простецким видом сказал Мазур. – Мы-то решили, что он попросту искал дешевой сенсации. Но если человек выполнял негласное задание столь серьезного учреждения, то это совсем другое дело...

Откровенно говоря, он питал зыбкие надежды, что удастся столкнуть Лаврика с этим лощеным гусем. Не получилось, увы, – адмирал ничуть не заинтересовался столь сенсационными и пикантными откровениями...

– Они что, подали жалобу? – спросил Мазур.

Капитан с откровенной издевкой глянул ему в глаза:

– Да нет. В нынешнем своем состоянии подавать жалобу им было бы крайне затруднительно. Гражданин Нефедов и гражданка Бойченко найдены убитыми в квартире, которую вы имели неосторожность посетить. Не угодно ли?

Он достал несколько черно-белых фотографий и веером раскинул их перед Мазуром, словно опытная гадалка – карты. Адмирал, подавшись вперед, поднял брови. Зрелище, признаться, было малоаппетитное, даже для тех, кто к смерти привык давно: молодого любителя сенсаций, запутавшегося в играх с серьезными конторами, Мазур узнал сразу, а вот Лизе, судя по всему, пуля угодила в затылок, и выходное отверстие пришлось на лицо...

– Ну, а я какое к этому имею отношение? – спросил Мазур.

– Где вы были в момент убийства?

«Болван, – тоскливо подумал Мазур, – ничего умнее не мог придумать?» И сказал:

– Вы мне сначала напомните, когда убийство произошло, сам я совершенно не в курсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.